

Лев Корчажкин

12+

Хуторяне XXV века

Эпизоды 1 - 20

Лев Корчажкин

Хуторяне XXV века. Эпизоды 1-20

«Автор»

2019

Корчажкин Л.

Хуторяне XXV века. Эпизоды 1-20 / Л. Корчажкин — «Автор», 2019

Ироничные истории про жителей "глубинки" в далеком будущем, среди которых читатель обнаружит знакомых персонажей в новом качестве: Василису Премудрую, Иванушку, Вяя, Кота из Лукоморья и других. В сюжетах в стиле "абсурдной фантастики" без труда угадываются параллели с днем сегодняшним. Книга в какой-то степени возрождает жанр сатиры, а в персонажах читатель без труда определит знакомые типы повседневной частной и общественной жизни. Наиболее точным эпиграфом к сборнику было бы известное изречение "История повторяется трижды: первый раз - как трагедия, второй - как комедия, а третий - как фарс". Читателю предстоит самому определить, какое по счету повторение происходит в публикуемых историях. Обложка нарисована петербургским дизайнером Александрой Саликовой.

© Корчажкин Л., 2019

© Автор, 2019

Содержание

От составителя	5
Действующие лица:	6
КАК ПРОЛЕТЕЛО "БУДУЩЕЕ"	7
ДЕСЯТЬ НЕГРИТЯТ	11
ШУМ В ГОЛОВЕ	16
ГАЛКИ	22
НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ	27
БУНТ МАШИН (ТОЛЕРАНТНОСТЬ)	33
ВРЕМЕНА ГОДА	39
ПЕТУХ	43
МЕЖА	48
ЯГОДА-МАЛИНА (БУДУЩЕЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ-2)	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Лев Корчажкин

Хуторяне XXV века. Эпизоды 1-20

От составителя

XXV век. Земля по-прежнему голубым бриллиантом висит в космосе. Но сами земляне уже не те, что были тогда, когда впервые увидели свою планету со стороны. Живут преимущественно в городах. Продолжают осваивать пространство, время, познавать самих себя.

Но кое-где на планете в сохранившихся естественных ландшафтах обитают фермеры.

Они – обласканные электронным и механическими благами цивилизации, производящие много здоровой и вкусной пищи для горожан, еще хранят на своих хуторах тот неспешный и чудаковатый стиль жизни, давно забытый остальными.

Об одном таком хуторе, расположенном недалеко от большого космодрома, в этих записках и идет речь.

Пользуюсь случаем выразить благодарность студентке УМЦО, РФ¹ Василисе-Сталобить-Премудрой, без чьего жизнерадостного участия этот литературный проект вряд ли бы состоялся.

Профессор, д. эци. н.

Лев Спиридонович Корчажкин

---

¹ Университет МежЦивилизационного Общения, Ракетный Факультет

Действующие лица:

Батя, Трофим Трофимович – хозяин хутора
Марья Моревна – его жена
Василиса – их дочь
Иван – муж Василисы, диспетчер космодрома
Джон – сосед, африканец, механик космодрома
Старичок Прохор – сосед, самогонщик
Илья Муromeц – пасечник
Павлик Морозов – деревенский паренек
Вий – чиновник по крупным поручениям
Петька Длинный – чиновник по мелким поручениям
Витязи Морские – гвардейцы
Кот Василий, Черномор, Соловей Разбойник, Финист-Ясный-Сокол, Змей-Горыныч, колобок, другие сказочные и гражданские персонажи.

КАК ПРОЛЕТЕЛО "БУДУЩЕЕ"

Василиса вбежала в комнату, раскрасневшись и мотая во все стороны косой. На конце косы висели бубенчики. Они звенели.

За широким столом на могучих ножках, покрытым белой чистой скатертью, сидел на стуле с высокой спинкой Батя. На лавках вокруг стола еще никого не было. Кроме Бати в комнате был еще только один человек – хромой старичок Прохор. Он сидел на сундуке возле стены, прижавшись щекой к светлому лиственничному бревну, из которых был сложен дом. Прохор усердно тыкал пальцем в пульт дистанционного управления, чтобы переключить канал с песен и плясок на чрезвычайные новости. Это был новый канал – "Чрезвычайные новости Земли". Это был хороший, надежный канал, так как плохих чрезвычайных новостей не случалось.

Батя ждал ужина и разговоров. Василиса явилась к месту.

- Ну, что нового на ферме, дочка? – спросил Батя.
- Сто восемнадцатый доильщик заржавел. Его на дворе оставили, под дождиком.
- Плохо.
- Вместо него сто девятнадцатый взяли.
- Хорошо.

Василиса села рядом с отцом. Старичок Прохор заерзал на сундуке, пытаясь попасть пультом в телевизор. Но винтовка, висевшая на высокой спинке стула Бати, патронташ с патронами, висевший там же, да еще бубенчики в косе Василисы создавали помехи, и переключить канал не удавалось.

- А где Иван? – спросил Батя.
- Опаздывает, обычное дело, – подал голос Прохор.
- Плохо, – сказал Батя, насупив брови.
- Или, у него сегодня смена должна быть. Вчера-то он здесь околачивался.
- Хорошо, – Батя повеселел.
- Добрый специалист – Ванька, – снова подал голос старичок Прохор. – Нечета другим.

И считать умеет, и в выключателях не путается.

- И сосед хороший, охоту любит, – добавил Батя.
- И с девками не шалит, – продолжил Прохор.
- Он читать любит, – вставила Василиса и зарделась.
- Хорошо, – подвел итог Батя.

В сенях кто-то споткнулся о ведро. Раздался звон, и стало слышно, как зацокали по полу, а потом по ступенькам крыльца, огородники.

В комнату ввалился широкоплечий Джон. Его красные губы на черном лице расплылись в извиняющейся улыбке.

– Я там ненароком ваших огородников² из ведра выпустил. Крышку сбил, они и побежали.

– Ничего, – ответила Василиса, – в кабачках и свекле уже сорняки появились, они прополют.

- Хорошо, – сказал Батя. – Но где все-таки Иван?
- Опаздывает? – спросил Джон, подмигивая Василисе.
- Плохо, – сказал Батя.
- На дежурстве он, – крикнул от стенки Прохор.

---

² Огородники – общее название для класса малогабаритных мобильных электронно-механических устройств, предназначенных для работы в сложных и разнообразных климатических условиях на пересеченной местности; особое применение нашли в агропромышленности.

Металлические серьги в ушах Джона обрекли его попытки переключить канал на новое поражение.

– Хорошо, – вздохнул Батя.

– Ванька никогда не опаздывает, – сказал Джон. – Я его два часа назад видел. Он в форме был. При полном параде.

– У него в доме на стене красный диплом в рамочке висит. Так прямо и написано – диспетчер высшей квалификации. Пять языков знает. Плюс сто со словарем, – Прохор встал на сундуке на колени и вытянул руку с пультом, тщетно стараясь пробиться сквозь помехи.

– Хорошо, – сказал Батя, – диплом – это хорошо.

– Он сто первый учит. Или шестой? – вставила ненароком Василиса и стала накручивать на палец конец косы.

Бубенчики зазвенели.

– Плохо, – снова со вздохом сказал Батя.

– Что плохо, батенька? – испуганно спросила Василиса.

– Плохо, что ясности нет: шестой или сто первый.

В сенях снова кто-то затоптался. На этот раз раздался плеск воды, и через минуту в комнату вплыла хозяйка – Марья Моревна, с рукавами цветастого платья, мокрыми до самых плечей.

– Что же вы кадку с живой водой крышкой не прикрыли, и свет погасили. Я по привычке на нее фонарь поставила, он и ухнул. Пока достала, вся вымокла, и по полу воду расплескала, уже ветки полезли, за ноги цепляются.

– Плохо, – сказал Батя.

– Ничего, я вам рубанок-самоход принесу, мигом приберется, – сказал Джон

– Хорошо. Самоход – это хорошо.

– Щуку не выплеснула? – спросил со своего сундука Прохор, – хоть к ней на поклон иди, программу узнавать.

– Не выплеснула. Там она. Все уши прожужжала, пока я фонарь доставала. Все про какое-то будущее спрашивала.

– Ну да, – Джон оглянулся на "песни и пляски" в телевизоре. Скоро уже должны трансляцию начать. У кого пульт?

Марья Моревна села за стол по правую руку от Бати. Старичок Прохор спрыгнул с сундука и просеменил к столу, сел рядом с хозяйкой, положив руку с пультом на стол.

Батя оглядел всех:

– Ну, начнем ужинать, что ли?

Марья Моревна хлопнула в ладоши. Дверь распахнулась, и в комнату вплыли статные многорукие подавальщицы.

Джон наклонился к поставленной перед ним тарелке с огромным куском жареного мяса. Старичок Прохор улучил момент и, прицелившись поверх черного затылка Джона, сумел переключить канал с плясок на новости. После чего положил пульт в карман и взялся за вилку с ножом.

В телевизоре журналист, освещенный прожектором, поминутно поворачивался к ночной пустоте за собой и трещал:

– Вот-вот зажгутся причальные огни на полосе и экипаж "Будущего" увидит свой родной дом.

Журналист посмотрел на часы, потом снова обернулся на темную полосу, и заскучившим голосом начал рассказывать:

– Триста лет назад несколько десятков землян отправились на сверхновом космическом корабле на поиски планеты, пригодной для переселения. Благодаря эффекту, предсказанному еще Эйнштейном, время на корабле шло намного быстрее, чем на Земле. Поэтому

через несколько минут мы увидим возвращение наших предков – практически в том возрасте, в каком они улетали. И мы уже знаем, что они везут нам прекрасные новости – планета для переселения найдена. Будущему землян теперь ничто не угрожает!

Журналист снова оглянулся на неосвещенную полосу:

– Вот-вот зажгутся причальные огни...

Но огни не зажигались. Зато откуда-то сверху, от звезд, прорываясь сквозь многослойную кровлю, способную выдержать удар небольшого метеорита, донесся гул.

– Мы уже видим огни "Будущего" – кричал, захлебываясь собственным энтузиазмом, журналист, тыча рукой в черное небо.

– Вот они! Приближаются со стороны Большой медведицы!

Огни на посадочной полосе все не зажигались.

– Плохо, – сказал Батя, – без лампочек им ночью не сесть.

– Ванька все вовремя сделает. У него красный диплом, – ответил Джон.

– Ванька не подведет. Столько ждали, – поддакнул Прохор.

– Он что, и правда – сегодня дежурит? – испуганно спросила Василиса.

– Ну да, – ответил Джон. – Я его видел в форме. И ключ от главного рубильника, как обычно, был у него на цепочке.

– Ой! – всплеснула руками Василиса и вскочила, – Он же на сеновале сейчас! Он заснул, я не стала будить, за стол торопилась.

– Плохо, – сказал Батя, грозно взглянув на Василису.

– Ишь ты, девка, лучшего парня охмурила! – захихикал старичок Прохор.

– Что ж ты, дочка, ничего не говорила! – залепетала Марья Моревна.

– Плохо! – громче прежнего произнес Батя.

– Да, хорошего мало, – согласился Джон, – запасного космодрома для такого случая не предусмотрено.

Гул с неба становился все мощнее. Он наваливался на избу, как ветер на столетние ели, пригибая их верхушки.

– Я думала, он для меня парадную форму надел, – чуть не плача сказала Василиса. Она прижала ладони к ушам:

– Ой, как гудит, голова раскалывается!

В черном телевизоре было видно, как огромный звездолет проскользнул по небу и ушел в ту сторону, где еще мерцала над горизонтом тонкая полоска заката. Гул стих.

– С крыльца было бы лучше видно, – сказал Джон, можно было бы на веранде стол накрыть.

– На веранду подавальщицы боятся заходить, на них дверь лает, – ответила Марья Моревна.

– Плохо, – проговорил Батя, отодвинув от себя тарелку.

– Что плохо, батенька? – спросила Василиса.

– Плохо, что хорошего парня на сеновале оставила. Теперь понятно, от чего у тебя доильщицы под дождем ржавеют, растеряха!

– Я ему позвоню сейчас, – сказал Джон, – позову к нам. На космодром ему теперь не зачем идти.

– А его там, наверное, потеряли, – хихикнул Прохор, – звездой телевизионной мог бы стать.

– Звони, зови, – сказал Батя, снова пододвигая к себе тарелку.

– Я быстрее сбегаю, – воскликнула Василиса, вскакивая из-за стола.

– Мундир может на сеновале оставить, – крикнул ей вдогонку Джон, – все равно утром на охоту собирались. Я ему куртку свою дам.

Журналист в телевизоре обрел дар речи и подал голос:

– Видимо, план встречи изменился. "Будущее" пошло на второй круг. По расчетам ученых, которые мы получили только что, следующая посадка будет возможна через сто или сто пятьдесят лет. Но это предварительные расчеты, точные данные слушайте и смотрите в нашем следующем выпуске.

– Хорошо, – сказал Батя, втыкая вилку в свой кусок мяса.

– Что ж хорошего? – спросила Марья Моревна, – вот и будущее пролетело, не село.

– Хорошо, что на охоту собираемся. И что мундир на сене оставит – хорошо. Без мундира хозяйством сподручнее заниматься.

– А Василиса что-то долго не возвращается, – ехидно проговорил старичок Прохор. – Оно и понятно, дело молодое!

– Смотри в тарелку и молчи! – махнула на него рукой Марья Моревна. – Или, вот, канал смени, надоел этот болтун.

После ужина все вышли на улицу, сели на скамейку, и по привычке молчали, глядя на звезды

– На кого завтра пойдем? – спросил Иван, державший за руку Василису.

– Вот если звезда упадет налево – на лося. А если направо – за бобром, – ответил Батя.

Сидели до полуночи. Потом пошли спать.

Звезд в этот вечер нападало много. На кого охотиться – утром пришлось спросить совета у щуки.

ДЕСЯТЬ НЕГРИТЯТ

Батя был доволен. Джон вернулся к сроку – скоро начнется страда, а на огородников и прочих приспособленцев, чиненных-перечиненных, надежды мало. Из летуна, когда он сел на лугу и выползла лесенка, за Джоном спустились десять мигрантов, таких же черных, как Джон, но помельче.

Батя видел их из окна.

– Мелкий народец, – сказал Батя. – Но, говорят, работающие, а едят немного.

– Кто такие? – спросил старичок Прохор, дохромавший до окна и забравшийся на широкую лавку под ним.

– По знакомству достал, – ответил Батя. – В Африке, в колониях такие живут. Они грамоте не учатся, все больше о травках и корешках помышляют, прямо на земле живут.

– Какие такие колонии? – спросил старичок Прохор.

– Известно, какие, – подала голос из угла Василиса, – экологические колонии, генофонд сохраняется на будущее.

– Все-то у вас научно и с дальним прицелом, – сморщился Прохор. – А польза она ближе лежит. Вот у меня колено заныло. Значит – ночью дождь будет, сырость. Однозначная польза! К бабке не ходи!

– Ты вот мою бабушку спроси, она все уже посчитала, покумекала.

– И то правда, – включилась в разговор Марья Моревна, хозяйка. – Эти африканы мяса не едят, к земляному труду привычные. На картошке и репе десяток лет протянут, а там – билет на летун и обратно. А то и поженим на деревенских. Хотя, – она с сомнением покачала головой, – у нас девки покрупнее будут.

– Ну а польза то в чем? – не унимался Прохор. – У вас что, огородников мало, или доильщицы барахлят?

– Да они же все на электричестве! – прогудел Батя, – а электричество дорожает. В новостях сказали, что в полтора раза. А шука говорит, что не в полтора, а во все два!

– И на солнечных панелях долго не продержишься, – добавила Василиса.

– На них-то уж точно, не положишься, – согласился старичок Прохор, растирая колено, – все болит и болит, все к дождям и дождям.

– Так вот, Иван с Василисой посчитали, и ясно стало, что мигранты на картошке и репе выгоднее, чем электричество. Рацион составили. Даже молоком поить можно.

– Да как же вы их выписали, как инвентарь, что ли?

– Это уж Джон устроил. Он, черт черный, хитрый, по миру поколесил, все знает. Там у них, в колониях этих, переизбыток нарождается, генофонд то ли лишний, то ли бракованный. Ну и по знакомству можно выписать.

За дверью загремели шаги, кто-то зазвенел кружкой о ведро. В горницу вошел, вытирая красные губы черным запястьем, Джон. Розовая ладонь была мокрая.

– Пока летели, пить захотелось. Не выдержал, прямо из бочки зачерпнул. Шуку, похоже, по морде саданул случайно, – сказал Джон.

– Как ты можешь эту воду пить, она же тинной воняет, – пожалла Василиса плечами под цветастой рубашкой.

– Тина тинной, а вода-то, почитай, живая. Шука-то сколько лет живет, недохнет! – закашлял Прохор, слезая с лавки, – пойду, что ли, и сам приложусь к кадочке.

– Как все прошло, – спросил Батя, – все пригодилось?

– Еще как пригодилось, – заулыбался Джон. – Я этим – на воротах, которые с бляхами, как вывалил мяса, творожка, бидон со сметаной, так они, как мухи чернявые слетелись. Фуражки поскидывали, чуть не руками в корчажки полезли. Пришлось по макушкам постучать, чтобы о

деле не забыли. Ну, они даже рожь не вытирали, побежали, привели толпу. Я десяток выбрал. Отвели их потом в отдельную комнату, помыли, одели. Так что все в порядке – принимай в штат.

– Иван тебя встречать пошел, – сказала Василиса.

– Встретил. Там он, у сараев, с работниками новыми, – Джон поднялся, – тоже пойду к нему, покормить их надо. Проголодались. Некоторые так даже шатаются.

– Сегодня пусть, так уж и быть, отдыхают, а утром – на работу. Я сам расставляю, – сказал Батя.

Василиса встала с заскрипевшего стула, поправила юбку и выскользнула за Джоном.

– Правильно, дочка, пригляди за мужичками, – сказала Марья Моревна ей в след.

Батя шумно вздохнул, посмотрел на часы, потом на Марью Моревну. Та поняла взгляд правильно, поднялась, пошла на кухню. Пискнула там чудо-печка, затопали подавальщицы.

– Смотри, не брякни кому-нибудь невзначай в деревне. Пускай пообвыкнут, а то завистников много, на прививки все время изведем, работать некогда будет.

– А то я не понимаю, – старичок Прохор обиженно вытянул губы, – санитарный инспектор – он, конечно, друг и помощник, но хворобы наши с нами рождаются, с нами и умирают.

Прохор все тер колено и кривил губы, а Батя сурово смотрел на дверь, как вдруг дверь раскрылась и вошла Василиса, придерживая руками испачканный подол. Она хмурила густые брови, доставшиеся от отца, и, поднимаясь к себе по лестнице, грозно сообщила:

– Не хотят они репу вкушать. Хотела их простоквашей напоить, так всю на себя вылила. Они все брыкаются и по-своему бормочут.

– Басурманы и есть басурманы, – ответил Прохор.

– Плохо, – сказал Батя.

Прохор хотел что-то сказать, но промолчал, задумчиво глядя наверх.

Сверху – на этот раз бойко топоча каблучками – по ступенькам сбежала Василиса – в новой юбке и фартуке. В руке держала воронку:

– Вот, у себя нашла. Помнишь, как делали, когда заблудшего лосенка отпаивали. И сейчас пригодится для этих мигрантов.

– Хорошо, – пробасил Батя, вперив взгляд в захлопнувшуюся за Василисой дверь.

Только и было слышно, как плеснула в бочке щука хвостом, да тихо зашуршала тряпичная половичка, спеша вытереть живую воду, пока не проросли доски пола.

Марья Моревна заглянула, сказала:

– Василиса всю простоквашу унесла, не знаю теперь, в чем мяско замочить.

– Плохо, – вздохнул Батя.

– А ты в первачке, в первачке, а еще горчички. И мягкость появится, и дух поперет, – посоветовал с лавки старичок Прохор.

Марья Моревна вопросительно поглядела на Батю.

– Хорошо, – прогудел тот.

В дверь стукнули, и вошел Иван.

– Трофим Трофимыч, – спросил он. – Я у поросят пойла заберу немного, на эксперимент. Ничего эти мигранты жрать не хотят. Может, консистенция не та. И, главное, не говорят ничего. Ни слова по-нашему не знают. Сначала булькали что-то по-своему. А теперь вообще молчат. Только глазками зыркают.

– Хорошо, – ответил Батя.

Иван повернулся к двери, но, бросив взгляд на стены, увидел на крючке смотанный кнут.

– Я и кнут возьму. В прошлом году коровы клевер жевать не хотели, так кнут сильно помог.

– В прошлом году на поле с клевером летун какашки сбросил. Вот они и не паслись. А после кнута-то, молоко все в реку сливали. Рыба потом брюхом кверху плавала, – сообщил как бы невзначай Прохор.

– Да не какашки это были, а гравитационная защита на секунду раньше сработала. Коровы на взлетную полосу зашли, вот и случилось непредвиденное маневрирование. Кто знает, что там в почве синтезировалось. А то, что рыбы дохли, это – другое дело. Главное, коровы клевер жрали.

– Бери, бери, – кнут в сельском хозяйстве – первое дело, – разрешил Батя.

– Да поживее там, ужинать Марья Моревна уже собирает.

Иван хлопнул себя по сапогу кнутом и вышел. Слышно было, как хлопнула дверь на улицу.

Марья Моревна вошла в горницу, вытерла руки о полотенце, повесила его на спинку стула.

– Что-то долго возятся. Спать то где положим, работничков этих заморских? На сеновал не хочу пускать, дух попортят.

– Пустяки, Ванька им давно лавки смастерил в старом амбаре. Вот только туда подавальщицы не ходят – ступенька одна чересчур высокая. Да ладно, еду в дверях примут. Или ворота распахнут.

В сенях снова застучали сапоги, и в горницу вошел Джон. Молча сел напротив Бати, задумчиво пошевелил черным приплюснутым носом, облизнул красные губы.

– Язык у тебя, как у теленка, – сказала Марья Моревна, – проголодался? Или волнует что?

– Да не пойму я мигрантов своих. Грузились, летели – бойкие были. Даже на женщин посматривали. Без последствий, понятное дело, только головами крутили. А тут как замороженные стали. Трое уже и не встают. А остальные – как эпилептики дергаются.

– Так вот и надо было парочку противного полу прихватить, – съязвил с лавки Прохор.

– Да я думал, просил. Сказали, нету. Весной будут. А сейчас – закончились.

– Может, разница во времени или температурный режим не тот? – продолжал высказывать гипотезы Прохор.

– Да мы уже и попонами накрывали, – дрожат и не встают.

В дверь вошел Иван, смотал кнут, повесил обратно на стену.

– Еще двое кончаются.

– Может, лихорадка какая! – встрепенулась Марья Моревна. – Так надо обезопаситься!

– Правильно! Безопасность – первое дело, – Прохор перестал растирать колено и на одной ноге допрыгал до стола, сел на стул.

Вернулась Марья Моревна с подносом, на подносе – серебряные стопки дедовские и бутыл с чем-то прозрачным. Поставила поднос, разлила из бутылки по стопкам.

Батя первым протянул руку, задумчиво выпил и хлопнул себя по затылку:

– Пойти что ли, глянуть. Поросль зеленая, сами не разберетесь.

– Так я за вами, Тофим Трофимыч, и пришел. Посоветовали бы, как с народом обращаться.

– Знамо дело, как! Вон, сундук стоит. Триста лет не открывали. Там в газетах все прописано.

– Почитаем, почитаем, Трофим Трофимович. А сейчас пойдете в старый амбар, там они все.

Батя пошевелил крутыми плечами, взял со стены второй кнут и вышел вслед за Джоном.

Справа от запертых ворот в амбар была раскрыта дверь. Возле ступенек стояла бадья, в нее тыкался мордой молодой поросенок. На ступеньках, прислонившись плечом к косяку, стояла Василиса, покачивая в воздухе воронкой с длинным носиком. Фартук ее снова был в разводах, и край юбки тоже.

– Иван где? – спросил Батя.

– Там, – кивнула Василиса в глубь амбара, и сама нырнула туда же.

Батя поднялся по ступенькам, скрылся в полумраке. Джон вошел за ним.

В амбаре, освещенным из-под потолка покачивающимся светильником, на лавках лежали пять тел. Одеты они были в одинаковые зеленые штаны и куртки. Под куртками – рубашки в каких-то цветах и птицах. Одежда у всех пятерых была густо измазана то ли простоквашей, то ли поросячьим пойлом. На свободной лавке лежали репки, некоторые порубленные на куски.

Двое из тех, что на лавках изредка подрагивали. Еще пятеро мигрантов столпились в углу и не шевелясь и не моргая смотрели на вошедших.

Батя сумрачно глянул на них:

– Да уж, производит же природа таких хилых.

Будто в ответ на его слова один из стоящих в углу дернулся и повалился на пол. Все молча посмотрели на него, потом на Батю.

– Давай его сюда, на лавку!

– Джон с Иваном перетащили упавшего на свободную лавку, смахнули на пол репу, положили.

– Живой еще, – сказал Батя, положив руку на грудь мигранта. – Как бы не задохнулся, язык придержать надо.

Батя левой ладонью надавил и раскрыл челюсти мигранта, а правую пятерню засунул ему в рот. Нахмурился.

– Это еще что такое!?

Батя поднял правую руку. В ней змеился, уходя в рот тела на лавке, блестящий провод.

– Что такое! – Джон подскочил к лавке, сунулся с фонариком в рот мигранту.

Потом встал, подошел ко второму телу, заглянул в рот, потом к третьему. Остановился перед стоящей четверкой. Ничего не сказал им, а просто широко раскрыл перед ними рот.

Мигранты как один раззявили свои рты, из которых на пол зазмеились блестящие проводки со штепселями на концах.

Батя сел на лавку, положил ладони на колени.

– Плохо. Не те работнички. Подвели.

Василиса подошла, задрала на одном рубашку, прочитала:

– маде ин африка.

– Не позорься, – сказал Батя, – чужих мужиков заголять!

– Да не мужики это, батюшка, роботы это. И потрепанные какие-то! Хотя, вот, – она задрала рубашку повыше, – солнечные панели есть на груди.

Джон остервенело чесал кучерявую голову:

– Обманули, черти африканские! И обратно ведь не вернуть. Документы то липовые!

Иван внимательно разглядывал какую-то бирку на животе мигранта:

– Класс энергопотребления – прошлый век. Разоримся.

– Не разоримся, – сказал, поднимаясь, Батя. – Мы их на аэродром сплавим. Пусть вокруг взлетной полосы бродят, коров пугают. Все клевер целее будет.

– А эти двое так вроде ничего, – сказала Василиса, засмотревшись на парочку, которая еще держалась на ногах.

– А этими крышу над амбаром подопрем. Будут вместо атлантов. Только в зенки лампочки ввернем – летучих мышей пугать.

Ужинали в этот вечер молча. После ужина по привычке пошли посидеть в саду. Девять негрятят лежали в амбаре на подзарядке, а десятый бродил между деревьев, собирая в темноте упавшие яблоки.

– Они что, в темноте видят? – спросила Василиса.

– А то! – гордо ответил Джон, – как леопарды. Обещали, что и по деревьям лазают. И вострепнувшись, обернулся к Бате:

– Может, пару леопардов привезти? Для охоты!

– Хватит баловства с контрабандой. Своим умом жить пора.

Потом вспомнил что-то, повернулся к Марье Моревне:

– Щука-то что сказать хотела, плескалась, все сени залила?

– Да я не расслышала, все занята была. Как ни пройду, она все ворчит: ро..., ро..., ты..., ты... А потом плеск – и нет ее, – вздохнула Марья Моревна. Помолчала и добавила:

– А ведь предупреждала, старая. Пойду к ней, про погоду узнаю. Никому верить нельзя.

– Почему же никому, а колену? – возмущенно просипел старичок Прохор.

– Если бы мое было, поверил бы. А твоему – нет. Надоверялся уже, хватит.

Батя стукнул рукоятью кнута, с которым до сих пор не расстался, по скамейке и ушел. За ним и Марья Моревна. А остальные еще долго сидели, считали взлетающие спутники и грызли яблоки, которые подносил из темного сада зеленоглазый "номер 10".

ШУМ В ГОЛОВЕ

Батя лежал на лавке, молчал.

Новенький бежевый тулуп дрожал на нем, прижимаясь курчавым воротником к широкой батиной груди, а рукава просунув под жилистую шею. Это был тулуп модели ЛБВ, то есть Любезный Без Воплей.

Батя помирал.

А было так: Марья Моревна пришла с хозяйства, поставила на кухне кувшин с парным молоком. За ней следом шел Петька-длинный, санитарный инспектор.

– Насчет проверки, – говорил Петька, – есть только один вариант решения: проверять – и точка. Так что никак не могу без проверки, уважаемая тетка Моревна, у меня же галочка в перечне стоит.

– Маловато у вас, сердешных, полномочий, – ответила ему Марья Моревна.

– Если относительно самой проверки, то да, немного. А вот насчет резолюции после проверки, – вариантов уже два: норма, или вне нормы.

– Так вот и болтает вас между двумя-то полюсами, как хвост у коровы между ногами. Не очень-то завидная доля. Ни фантазий, ни веселья!

– Не совсем так, тетка Моревна, фантазии, если с умом за дело взяться, хоть отбавляй. Норма – это да, это скучно. Галочку поставил, и полилось в закрома. А где нет нормы? Там волшебная палочка появляется, называется – "допустимые отклонения". А тут и геомагнитные излучения на прибор влияют, и угол падения света на экран, или как буренка карим глазом посмотрит.

– Непростая у тебя работка-то, если вникнуть. А со стороны поглядишь – никакого напряжения, никакого мяса на такой работе не нарастишь. Вот и худой ты такой, смотреть больно.

– У меня, тетка Моревна, работа умственная. Циркуляров одних прочитать и запомнить, – оба полушария включать приходится, а от этого в башке – гром и молнии. И потом – спешка, скорость. Вот и про вас отчет надо до вечера сдать в контору. А пока, сама видишь, нет голубизны в молоке. Белое. Белизны необыкновенной. Но, по прошлому стандарту годится, а по-новому – никак. А ведь три месяца прошло, как я вам циркуляр привез! Могли бы уж подсуетиться.

– Да где же это видано, чтобы молоко у коров голубое было? У людей, говорят, кровь голубая встречается, но чтобы у коров молоко голубое – это чем же их кормить надо?

– Насчет того, чем кормить, это вам не ко мне. Мое дело – галочку поставить и отчетец дальше послать.

– А если не успеешь?

– Ну, если не успею, в сводке прошлогоднее дозволение останется. Сегодняшний циркуляр – он же срочный, в программа ручками заводится. Но я, тетка, Моревна, успею. Премия за это особенная, и забота от начальства. Видала, какой вездеход предоставили – дорог не нужно, достаточно направления.

– Ну, так что? Выпьешь этого, ненормированного, – Марья Моревна покосилась на кувшин, – да и по рукам. У меня и творожок найдется.

Петька-длинный посмотрел на молоко, потом на дверь в горницу. Вдохнул.

– А если *этого* хочется, – то ступай к Бате, там он.

Получив такой совет-позволение, Петька быстро спрятал анализатор в сумку, пошаркал дополнительно на коврике и шагнул за заскрипевшую дверь, которая хоть и открывалась сама перед всяким государственным человеком, но скрипела при этом нещадно.

Петька-длинный резво шагнул в горницу, да так же резво и вышел обратно – тощим задом едва не толкнув Марью Моревну, шедшую следом.

– Воспитание городское, глаз не разувает, – пробулькала щука и скрылась под темной водой в бочке.

Марья Моревна обогнула суетливого инспектора и вошла в комнату. Там и увидела Батю, стоявшего у стола, опершись на него двумя ладонями, насупившим брови и с лицом красным, как закат перед похолоданием.

Марья Моревна много времени проводила в беседах со щукой, знала много причитаний и восклицаний для такого случая. Но едва ли использовала и половину их, споро доведя Батю до лавки, уложив его и накрыв сверху тулупом – таким похолодевшим показалось ей тело Бати под льняной рубахой, и таким потерянным был его взгляд. И самое непонятное было – тихий шум, как от крон деревьев в грозу, доносившийся откуда-то, вроде как из самой головы Бати.

Старичок Прохор, по обыкновению бывший тут же, все это время трясся в красном углу, сжимая в руках пульт в форме изогнутого огурца с большим количеством крупных пупырышек, они же кнопки, от новехонького телевизора.

Прибежала растрепанная Василиса, бухнулась на колени возле Бати. Хотела прижаться головой к груди, да куда ей было соперничать с новеньким тулупом модели ЛБВ. Так и осталась сидеть – руки сложив на коленках, а немигающие глаза уставив в лицо Бати, которое, впрочем, уже не было столь пунцовым, как с самого начала.

Марья Моревна захлопотала с холодными компрессами, но не забыла и доктору на космодром позвонить.

Доктор приехал незамедлительно. Вошел скорым шагом в горницу, увидел Петьку-длинного и на ходу бросил ему:

– Неудачно вы, инспектор, машину в низине оставили. Там почва слабая. Не ровен час, погода испортится.

– Да если бы вы знали, какая это машина! – ответил Петька, оглядев всех подряд. Никто его не слушал. Никто и не наливал. Уходить было неловко, да и не своевременно.

Доктор сел на табуретку возле головы Бати, положил руку на лоб – под компресс. Прислушался.

– И что все-таки случилось? – спросил он.

Старичок Прохор подошел к доктору, вытянул руки по швам и начал докладывать. В правой руке он продолжал судорожно сжимать пульт.

Трофим Трофимыч вчера ногу подвернули, сегодня с утра в горнице сидели, в телевизор пялиться изволили. А телевизор, сами видите, новейшей модели. Вчера только привезли. Живое изображение, в смысле никакого твердого экрана. И в какой-то момент – как раз сообщение о новых молочных стандартах читали, нечистая дернула, захотели Трофим Трофимыч посмотреть, что там – сбоку от картинки. Точнее, вопрос по существу сообщения появился. Сунули голову в экран, объемный ведь, может там сбоку от диктора кто ответственный есть, кого спросить. Только ничего не получилось. Отшатнулись Трофим Трофимыч от экрана, еле до стола дошагали. И с тех пор шумит головой. И ничего не говорит.

Прохор помолчал, потом продолжил.

– И в телевизоре одна и та же картинка. А звука нет – это я выключил.

Тут Батя дернулся всем телом.

– И часто он так дергается, – спросил доктор.

– Да как я на кнопку пульта нажму, он и дергается, – ответил старичок Прохор.

– А зачем ты на кнопки жмешь?

– А может, завис он. Перегрузить надобно.

– Кто завис? – спросил доктор.

– Трофим Трофимыч! – неуверенно произнес старичок Прохор.

Василиса подняла на него заплаканное, но удивленное лицо.

– Да ящик этот проклятый! Оговорился я!

– А это что за царапина? – спросил доктор, проведя пальцем по красной полосе на шее Бати.

– Здесь у него тесемка с мешочком висела. А в мешочке – чесночная долька. – пояснила Василиса.

И в ответ на поднявшиеся брови доктора пояснила:

– У нас у всех такая есть. От сглазу.

Старичок Прохор с готовностью начал расстегивать у горла рубаху, но доктор поморщился:

– Ну, эти заблуждения к делу не относятся.

Доктор встал с табуретки, подошел к окну и молча стал смотреть на ясное небо, на уходящие вдаль золотистые поля.

– Хорошо у вас тут, космодрома не видать.

– С чердака виден, – услужливо сообщил Прохор.

Батя снова дернулся, из-под тулупа свесилась до самого пола батина рука. Все с осуждением поглядели на Прохора. Он виновато втянул голову в плечи и положил пульт в карман.

– А вот и рука. Может, приложим указательный палец к приборчику, подпишемся под актиком, да я поеду, – спросил Петька-длинный, переводя взгляд с Марьи Моревны на доктора и обратно.

– Что за подпись? – спросил доктор.

– Да это у них порядочек такой, – пояснил Прохор. – Приезжают, смотрят, что-то там у себя в планшетике отмечают, потом Трофим Трофимыч пальчик прикладывают в знак согласия, и дело с концом.

– Да с чем же тут соглашаться, с молоком голубым? Глупость несусветная, – сказала Марья Моревна и вышла за дверь.

– Пойду со шукой поговорю. Что-то плещется она, зовет.

Василиса подняла руку Бати, положила ее поверх дрожащего тулупа, распрямила пальцы батиной ладони.

– Боюсь, инспектор, – заговорил доктор, отвернувшись от окна, – согласие лица, находящегося в столь критическом состоянии, в дальнейшем может быть оспорено. Кто-то может еще пальчик приложить? У вас должен быть циркуляр на этот счет.

– Василиса Трофимовна может, – ответил Петька-длинный, – ей двадцать один год уже исполнилось.

– Но, – задумчиво продолжал доктор, – необходимость привлечения второго лица должна быть подтверждена. То есть, нужно удостовериться в неспособности первого совершить необходимые действия.

– Ну так, удостоверьтесь, – съязвил инспектор, все больше обижаясь, что ему не наливают из графинчика старинного голубоватого стекла, стоявшего посреди стола на серебряном подносе.

– Ну, что же... – произнес доктор, тоже взглянув на графинчик.

Тут в горницу вошла Марья Моревна. Подошла к лавке с Батей, тяжело опустилась рядом с Василисой на колени, нагнула голову в платке и что-то зашептала на ухо Бати.

Батя как лежал, так и остался лежать. Только правая ладонь его сжалась в кулак. А в остальном все как было, так и осталось.

– Признаки жизни присутствуют, – заметил доктор, подойдя к Бате и рассматривая сжавшийся кулак величиной с маленький арбуз. – Так что, инспектор, повремените, повремените с часик. От новостей еще никто долго в обмороке не был. Это вам не сериалы.

– Да мне бы засветло выехать, в контору успеть. А то премии не видать, если отчет не привезу.

– А шум уже вроде немного не тот, что прежде, – прислушался доктор.

– Да он уже совсем не шумит, – сказала Василиса, всхлипывая, – просто без сознания лежит.

– И дергаться перестал, – добавил старичок Прохор. – Я на пульт жму, жму. А все без результата.

Марья Моревна поднялась и вышла, но тут же и вернулась – внесла на расписном блюде рюмки, какую-то снедь на блюде под белой салфеткой, поставила все на стол.

– Это дождик моросить начал, он и шумит. Из-за леса тучи нагнало. А вы, гости дорогие, угощайтесь.

– Ну, часик подожду, а там поеду, – сказал Петька-длинный и потянулся к графинчику. – Только зря вы, тетка Моревна, так долго тянули. Три месяца мер не принимали. Так и придется отчитываться.

Тут над домом так грохнуло, что задребезжали стопочки на столе. И хлынул такой ливень, какого давненько не бывало.

Старичок Прохор подскочил к окну:

– Колосья-то гнет! Так гнет! До самой земли!

Батя на лавке застонал. Он по-прежнему не открывал глаз, но кровь от лица уже ушла. В сравнении с прежней пунцовостью оно теперь казалось бледным, как у покойника. Особенно в сумраке, в который погрузилась комната при грозе.

– Что без света сидите! – в комнату вошел Иван, хлопнул в ладоши.

Зажегся свет, стало веселее.

Увидев Василису на коленях возле отца, доктора, недовольного инспектора и растерянного Прохора, он оглянулся на Марию Моревну. Та пожалала плечами и кивнула в сторону Бати.

– Идите, щука зовет, чуть из бадьи не выплескивается.

Марья Моревна вышла.

Иван подошел к скамье с Батей, встал позади Василисы, нахмурился.

– Плохо, – сказал Иван и повернулся к гостям.

Хоть и не сын он был Трофим Трофимычу, но что-то узнаваемое было в этом "плохо".

– Кстати, – спросил Иван, посветлев лицом, – чья это машина в низинке. По самые фары уже провалилась.

– Как по самые фары? Пойду, взгляну, – Петька – Длинный поднялся из-за стола, кинув голодный взгляд на хлеб, сало и на графинчик, и вышел за снова пронзительно заскрипевшую дверь.

Доктор подошел к Ивану.

– Не хочу пугать, но и обнадеживать тоже не в моих правилах. Последствия могут быть самые печальные. Там, – доктор кивнул на телевизор с замершим с открытым ртом диктором, – очень высокое напряжение.

Доктор в нескольких словах сообщил Ивану все, что произошло до его прихода. Они вдвоем подсади к столу, плеснули из графинчика.

– За здоровье!

– За здоровье!

Оба выпили и посмотрели на лавку с Батей, на неподвижную спину Василисы.

Старичок Прохор пересел со своей лавки на стул за столом, к ним поближе. Стал терпеливо ждать следующего тоста.

Бесшумно раскрылась дверь и из темноты вошла Марья Моревна. В руках, как ребенка, несла бережно завернутую в мокрое полотенце щуку.

– Помогите, что ли! Василиса, подвинься!

Марья Моревна поднесла шуку к самому уху Бати. Шука раскрыла зубастую пасть, прошептала что-то. Потом подняла голову, обратилась к Марье Моревне.

– Ну, все, что могла, сказала. Теперича, если не встанет, точно помрет. Неси обратно!

– Ерунда все это, заговоры, волшебство из сказок, – сказал доктор, протягивая руку к графинчику.

– Ну, еще раз за здоровье!

– Ох! – раздалось в горнице и все разом повернули головы к лавке с Батей.

Батя сидел на лавке, ерошил скомканные волосы и с неудовольствием посматривал по сторонам. Василиса сидела перед ним на пятой, то есть мягкой точке, упершись руками в пол позади себя.

– Это я-то не встану? Я не поднимусь!

Батя встал, отбросил тулуп в сторону и твердо шагнул к столу. Сел на стул с высокой спинкой.

– Что я, ирод какой-то. Дочка сына носит, а я лежать-помирать! Нет уж, дождусь внука!

– Правда! Трофим Трофимыч, – так шука сказала? – Иван подпрыгнул на стуле.

– Ну, это не новость, – проговорил доктор, – я Василисе Трофимовне об этом еще две недели назад сказал.

– А ты молчала, – Иван укоризненно посмотрел на Василису.

Василиса зарделась и присела поближе к Бате.

– А что шука еще сказала? В первый раз, передала через Марью Моревну.

– Да что сказала? Лежи, сказала, пока дождь не начнется. А то от этого Петьки-длинного не откупишься. А где я молоко голубое по циркуляру возьму, не с неба же? А так он до утра проторчит, в контору опоздает. Прошлогоднее разрешение не вычеркнет. Так и будем жить. До нового циркуляра.

– А если он по сети передаст? – спросил Иван, пережевывая сало вместе с корочкой.

– Не передаст. Он сейчас планшетник в грязь уронит, заглохнет он у него.

– Телевизор, докладываю, так и не работает, "завис с концами". А диктор не дышит и не моргает, – проговорил старичок Прохор, снова тыкая во все пупырышки на пульте.

Батя посмотрел на стену:

– Тьфу, выключить его, что ли, из розетки?

Встал, подошел к телевизору, с полминуты смотрел в красную глотку диктора, потом хлопнул телевизор по корпусу. И второй раз – посильнее.

Что-то упало на пол. Батя нагнулся и поднял тесемку с вышитым мешочком. Понюхал мешочек и надел его на шею.

– Отдали, черти!

– Диктор икнул и исчез. Вместо него в экране затрепетали какие-то разноцветные тряпочки.

– Счастье-то какое! – воскликнула Марья Моревна, входя в комнату. – Очнулся, родимый!

Из-за спины Марьи Моревны в дверном проеме показалась голова Петьки-длинного.

– Хлам, а не вездеход, – сообщил он. – Утоп по самые фары, и вообще ни с места. А что еще хуже, аппаратуру утопил в луже. Достал, конечно, но не работает.

– Заходи, инспектор, согрейся, – позвал его Иван.

– Да какой я сейчас инспектор – без аппаратуры, – проговорил Петька-длинный. – Мне бы переодеться во что-нибудь сухое. Льет там! Похоже, надолго зарядило. Как бы не до утра.

– Василиса, дай гостю переодеться, – подтолкнул Батя дочку.

– С выздоровлением вас, Трофим Трофимыч!

Василиса встала, пошла в кладовую.

– Вы, доктор, тоже оставайтесь. На космодроме в такую погоду скучно.

- Не то слово, – согласился доктор.
- Хорошо, – сказал Батя, оглядывая стол.

Молча пересчитал рюмки на столе, оглядел подъеденную уже и без того скромную закуску. Нахмурился.

– Плохо.

– Сейчас поправим, – сказала Марья Моревна и зычным голосом позвала: – девоньки, на кухню!

Где-то затопали подавальщицы, и Марья Моревна плавно выплыла из горницы, пообещав:

– Котлеты сегодня удались!

– Хорошо, – сказал Батя.

Пока ужинали, пока ели котлеты с гречневой кашей, потом пироги, пока спорили, можно ли приготовить белый творог из голубого молока, дождь прекратился.

По обыкновению, перед сном пошли в сад. Сидели на мокрой скамейке, считали спутники.

Молчали, только Василиса, прижавшись к Ивану, шепотом все допытывалась:

– Щука мальчика предсказала. А доктор про девочку говорил. Кому верить, не знаю. Какого цвета распашонки готовить, – ума не приложу. У доктора – диплом, а щука еще ни разу не ошибалась. Как думаешь, Вань?

Иван подумал и вздохнул:

– Давай на спутники загадаем – на чет-нечет.

– Давай, Вань. Вон и первый полетел.

ГАЛКИ

Старичок Прохор сидел на своей любимой лавке под окном и суетливо вертел в руках пульт от телевизора. Хотелось включить звук, но то ли было еще слишком рано, и все спали, то ли на всех напала сонница, и теперь до обеда все будут вялые и хмурые.

Сонница приходила в конце лета. Считалось, что приходила с вересковых пустошей, но были и сумлевающиеся, в том числе сам Прохор, который полагал, что она приходит с низовых болот, куда он по молодости хаживал охотиться на уток, и откуда всегда возвращался вроде бодрым, но сразу же валился с ног и засыпал там, куда падал. Иногда даже на половичке.

Старуха его, как всегда, качала головой, звала домовых, и они перетаскивали Прохора на кровать. Пустая бутылка при этом обязательно выкатывалась из снятого сапога, и старуха снова ворчала и шла перепрятывать ключ от дальнего амбара.

Это были сладкие воспоминания молодых лет, а теперь Прохор сидит на лавке и смотрит на противоположную стену. Как только на ней появится полоска света от заглянувшего в окно солнца, которое должно было бы уже и подняться, дверь бесшумно распахнется и в горницу вступит Марья Моревна с подносом с чашками. А следом за ней пара полных и мягких – чтоб не били посуду – подавальщиц с пирожками, ватрушками и кофейником. Хоть и были эти подавальщицы последней модели, но воскресный сервис Моревна не доверяла никому – вещь старинной выделки, говорят, из самого Санкт-Петербурга, с императорского фарфорового завода.

– Хрен вам, а не император, – с тоски по ароматному кофе выругался старичок Прохор и еще усерднее уставился на противоположную стену.

И свершилось! Кое-что, нарушившее ожидаемый ход событий. Дверь распахнулась, появилась улыбающаяся Марья Моревна, за ней подавальщицы. Вплыл в горницу и аромат сдобы и кофе.

А полоски на стене не было! Солнце не взошло! Странно, небо было и есть чистое, ни облачка, а света нет. Прохор соскочил с лавки, положил пульт в карман и подошел к стене. Двумя руками пощупал лиственничный брус.

– Что это ты как ударенный, – спросила Марья Моревна.

Старичок Прохор, путаясь в словах, объяснил суть своего беспокойства и закончил так:

– В этом году сонница превеликую силу возымела. Даже солнце не встало. И, – Прохор прислушался, – все замерло, ни ветерка, даже птиц не слышно.

– Зато их видно! – ответила Марья Моревна, – выйди вон на веранду, все деревья облепили, галки твои проклятые.

– Почему же они мои? – обиженно произнес старичок Прохор, присаживаясь не на свою любимую лавку, а на ту, что поближе к столу.

– Да это ты их прогнать не можешь. Каждый год выдумываешь всякие диковинные события, в прошлом году, помнишь, крылья себе приделал, и летал над угодьями.

– Но ведь прогнал, – сказал Прохор.

– Какое там прогнал! Вернулся весь в птичьем помете, а галки снова за свое. Рубашку и штаны даже стирать не стали, зарыли на огороде. Хорошо, что все натуральное, льняное, перегниет.

– Зато какой перец там теперь – до крыши достает! – нашел оправдание Прохор.

– Ладно с перцем. Давай звук включай. Сейчас все появятся, к завтраку никто не опаздывал еще. Василиса с Иваном с утра уже в бане плещутся. Душ принимают. На кухне слышно, бесстыдников!

Марья Моревна оглядела стол, довольно улыбнулась и повернулась к подавальщицам:

– А вы, девоньки, отнесите-ка свежие полотенца в баню. Я что-то не помню, меняли с вечера, али нет.

В горницу вошел, ступая тяжело, но уверенно, Батя. Боты он снял на крыльце, но края брючин были мокрые.

– Роса сегодня обильная, день добрым будет, – сказал Батя.

– Новости включить? – спросил старичок Прохор.

– Хорошо, – ответил Батя, садясь на свой стул с высокой резной спинкой.

Прохор засуетился, выискивая в глубоком кармане пульт, достал его и наконец-то включил звук. Звук не появился. Переключил канал на новости. А там большими буквами на весь экран: "Тихое воскресенье".

– Ах вот оно что, а мы-то забыли. Воскресенье сегодня же. Второе в августе. Выборы! – воскликнула Марья Моревна.

– Плохо, – сказал Батя.

В горницу вошла Василиса, поцеловала Батю в колючую щеку. За ней вошел Иван, поклонился всем, а у Марьи Моревны подхватил из рук пустой поднос, протянул его за дверь, там его перехватили ловкие лапки подавальщицы и отправили на кухню.

Батя пододвинул к себе стакан. Кофейные чашки он игнорировал как всех маломерок.

– А солнца-то все нет, – сказал старичок Прохор, озираясь на окно.

– Какое тебе сегодня солнце, – ответил Батя. Посмотри, там, наверное, выборщики тень наводят.

Все бросились к окну, кроме Бати.

И правда. На горизонте, там, где обычно в такое хорошее утро всюю сияло свет-солнышко, над лесом висел огромный вытянутый пузырь выборщиков – серый аэростат с красными буквами по всей длине: "Выборы! Выборы! Выборы!"

Он и загораживал всходящее солнце.

Старичок Прохор просеменил к сундуку в углу, достал из-под скрипучей крышки фаянсовый лупоглаз с деревянной ручкой, вернулся к окну.

В круглом доньшке лупоглаза был виден только кусок обшивки с красным углом какой-то буквы.

– Да опусти ты пониже, бестолочь, – сказала Марья Моревна и дернула Прохора за рукав.

Старичок Прохор опустил лупоглаз пониже, и стал виден желтый ящик на серебряном тресе.

– Поднимают урну-то. Закончили у Данилы-мастера, – сказал Иван.

– Поднимают, точно. К полудню до нас доберутся, – подтвердил старичок Прохор.

– Ну и пусть добираются. Попутного им ветра, – сказала Марья Моревна. – А теперь прошу к столу, кофий, чай, еще не остыл.

– К полудню у нас будут, – повторила Василиса специально для Бати, садясь рядом с ним.

– Хорошо, – сказал Батя, – и отхлебнул из стакана в резном серебряном подстаканнике.

С полчаса пили кофе. Решили делам особенно не предаваться, готовится к выборам.

– Мне все равно кто, лишь бы не марсианин, – сказал старичок Прохор.

– Плохо, – сказал Батя. – А то и хорошо.

– Что плохо? – встрепенулся Прохор.

– Что все равно, – ответил Батя.

– А что хорошо? – спросила Василиса, подливая отцу горячего кофе.

– Что не марсианин, – ответил Батя.

– А хоть и марсианин. Они красивые, – сказала Василиса.

– И головастые. У них из-за того, что сила тяжести меньше, мозг лучше работает, – подержал Василису Иван.

– Вот у них, кто силы тяжести-то нашей – настоящей, не знает, фантазии, сумасбродства всякие и начинаются, – вступился за своих старичок Прохор.

Марья Моревна сама в спор не вмешивалась, зорко следила, не закончились ли ватрушки и пироги на столе.

В прихожей затопали, загремели крышкой бадьи с живой водой. Дверь раскрылась, и в горницу вошел Джон, поздоровался со всеми.

– Я щуке карасика бросил. Ест она карасиков?

– Да ты что, сосед! У нее и зубов не осталось. Рыбные котлеты готовлю, и на пару бывает. А ты карасика! – засуетилась Марья Моревна.

– Да ладно, пусть при старухе поживет, может, ума наберется.

– Наберется, обязательно наберется, – сказал Иван. – А как вырастет, мы его отсадим. И будет у нас в хозяйстве два советчика – один для тех, кто постарше, а второй для нас с Василисой.

– А может, она зевнет, и его случайно проглотит. Карасик совсем маленький, – сказал Джон.

– Ну, тогда и спору конец, – порешила Марья Моревна.

Джон сел к столу, налил себе кофе, потянулся за ватрушкой.

– Я к вам что, собственно пришел? Видели, сколько галок на ветках. А еще скворцы, да всякая прочая летающая живность. Беда будет с урожаем. Посоветоваться пришел.

– Да и мы с утра вспоминали об этом, – сказала Марья Моревна, – как Прохор в прошлом году с ними наперегонки летал.

– А перец-то какой, перец-то! – попробовал оправдаться старичок Прохор.

– Нет, так их не отвadiшь, – сказал Иван. – Я вот читал в книжке, что у нас в сундуке на дне лежит, что надо десяток птиц пристрелить, да на шестах по полям поразвесить. Этого они боятся и улетают.

– Кому ж такая судьба завидной покажется. Конечно, улетят, – поддакнула Василиса.

– Плохо, – сказал Батя, надкусывая кусок пирога.

– Что плохо? Пирог не удался? – испугалась Марья Моревна.

– Десяток – мало, – Батя откусил снова.

– Ну, вроде, ест, – успокоилась Марья Моревна, – не оплошала, значит, с пирогами.

– Правильно, Трофим Трофимыч, уж если стрелять, так чтоб на всех соседей хватило. У каждого, у кого садик, у кого огородик есть. Хоть и при космодроме живем, на всем готовом, а скучно иногда бывает, к природе руки тянутся, погладить ее, в земельке покопаться, – Джон заметил, что в чашке закончилось кофе, и прервался, чтобы налить вторую.

– Хорошо, – сказал Батя.

– А ружья-то – только у вас подходящие, Трофим Трофимыч.

– Правильно, – ответил Батя, – только у меня.

Иван встал, потянулся, похрустел косточками. Василиса нежно посмотрела на него, одернула сбившуюся на поясице рубаху.

– А что, – сказал Иван, может, сейчас и пойдём? Пальнем пару раз. Как раз до выборщиков успеем.

– Хорошо, – сказал Батя, достал из штанов связку ключей, протянул старичку Прохору.

– С ними ступай, Прохор, арсенал отопрешь. Возьмите те, что в дальнем углу стоят, дедовские. Они номер лицензии не спрашивают. Некогда нам лицензию выправлять.

Иван и Джон вышли в почтительно распахнувшуюся перед ними и даже как бы попытавшуюся присесть, дверь. За ними похромал старичок Прохор, пряча в карман надкусанную ватрушку. Рукой с ключами от арсенала он вытирал рот.

– Авось, в этот раз лучше выйдет, – сказала Марья Моревна.

Под полом звякнули железные ворота, затем раздались веселые голоса во дворе. Василиса подошла к окну:

– Выборщики еще над лесом. А парни к старым ветлам на краю поля пошли.

– Время есть, успеют, – ответила Марья Моревна, подливая Бате в стакан, а себе в чашку.

Василиса села на лавку у окна, оперлась на подоконник, положила щеку на ладонь, стала наблюдать:

– Ваня первым стрелять наладился.

Бах! – донеслось через приоткрытую форточку.

– Вот так стая поднялась! Как туча! – воскликнула Василиса.

Бах! Бах!

– Галки как горох посыпались!

Бах! Бах!

Теперь к дубам пошли.

Бах! Бах!

– Ух, и там тоже – туча тучная!

Бах! Бах!

– Все, патроны закончились. Обрато идут, – сказала Василиса и вернулась от окна за стол.

В прихожей затопали, дверь с победным звоном распахнулась, вошли все трое, но старичок Прохор на этот раз первый.

– Тьму настреляли! – радостно сказал он, забираясь на свой стул.

Марья Моревна тут же налила ему в чашку кофе и пододвинула поближе блюдо с ватрушками.

Иван с Джоном поставили ружья в угол, тоже сели.

– Огородников послали птицу собирать, – сказал Иван. Вечером шестов в сарае возьмем, по полям натыкаем. Главное – вниз головами подвешивать, чтобы крылья расправились.

– Не застынут до вечера? – спросил Батя.

– Не успеют, – ответил Джон. – Да и все равно времени не будет. Выборщики скоро уж появятся.

Старичок Прохор вдруг повернулся к стене и поднял брови. Стена была вся залита ярким светом, лившимся из окна. Ничто его не загоразивало.

– Так они уже здесь, наверное! – воскликнул старичок Прохор.

Он привычно положил надкусанную ватрушку в карман, и в меру сил быстро доковылял до окна.

– Вот-те и выборщики, – протяжно и удивленно сказал он. – Садятся. Прямо на лес садятся.

Старичок Прохор взял с лавки лупоглаз, протер доньшко рукавом, нацелился на дальний лес:

– Авария у них.

– Не может быть! – все, кроме Бати, сгрудились у окна.

Серый аэростат выборщиков, потерявший вдруг упругость, как-то весь сморщился и уже почти висел на вершинах столетних мачтовых сосен. Солнца, понятно, в таком состоянии он загоразивать не мог.

– Поехать что ли, узнать, что случилось? – проговорил Джон.

– А галок развешивать – забыл? – толкнул его Иван.

– Галки, оно нужнее, – согласился Джон, – с космодрома механиков отправлю, пойду – позвоню.

– Что случилось? Что случилось? – пробурчал Батя. – Понятно, что случилось. Не первый раз под горячую руку. Ружья-то дедовские, далеко палят. А кто там на линии выстрела из-за галок оказался – попробуй угляди!

Потом хлебнул из стакана, посмотрел в угол на ружья.

– Иван!

– Что, Трофим Трофимыч?

– Ружьишки-то в арсенал спусти, да почисти. Ключи вон – у Прохора возьми.

– Само собой, – ответил Иван, достал ключи из кармана старичка Прохора и унес ружья.

Снова звякнули железные ворота под полом.

– Ну, пока Джон распоряжается, Иван тоже пристроен, я насчет обеда распоряжусь! – сказала Марья Моревна и удалилась на кухню.

Василиса взялась ей помогать, а старичок Прохор так и застыл возле окна с лупоглазом перед прищуренным глазом.

– Нет, сегодня не долетят. Не починятся, – подвел он окончательный итог, снова сел за стол и потянулся за новой ватрушкой.

После обеда развешивали галок на шестах. А вечером, как обычно, сидели в саду и смотрели на звезды. Старичок Прохор дежурил у телевизора, а после полуночи тоже дохромал до скамейки.

– Ну, какие новости? – спросил его Иван.

Все благодушно посмотрели на Прохора.

Старичок Прохор отдышался и сообщил:

– Никто не победил. Будет второй тур. Только ваш этот – марсианин – свое отыграл. Не прошел во второй тур. Двух голосов аккурат не хватило.

– Бывает, – философски заметил Джон.

– Ну и пусть, – шепнула Василиса, прижимаясь к Ивану.

– Хорошо, – сказал Батя.

Старичок Прохор переместился поближе к Марье Моревне и стал что-то шепотом горячо просить ее.

– Да ты ополоумел, старый, такими пустяками шуку беспокоить! Не пойду спрашивать, и не думай. Подождешь до второго тура, не рассыплешься. Я лучше вон утром карасика выловлю и в реку отправлю на вечную жизнь. Чтоб соблазна не устраивал.

– Каково ему там будет, он, наверное, живой водой уже весь пропитался, – задумчиво произнесла Василиса.

– А тяжело поначалу будет. Сожрать его никто не сожрет, а шарахаться от каждой тени будет. Молодой еще, пока подрастет, – ответила Марья Моревна.

А галок, как стало видно утром, действительно поубавилось. Не подвели дедовские ни книжки, ни ружьишки.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Василиса сидела на скамейке под яблоней и смотрела на котел перед собой. Котел стоял на трех камнях, и трава под ним пожухла. Трава пожухла оттого, что котел был горячий.

Котел был горячим, и в нем кипело. Розовая пенка стояла над котлом рыхлой шапкой, и ее куски иногда отваливались, как от айсберга, и падали на траву. А также на плоскую спинку, как у краба, ВУМника³. ВУМник поднимал над собой деревянную ложку и скидывал пенку с себя куда попало.

Попало на подол Василисе.

– Тоже мне, мешальщик нашелся! Мешаешься только! – воскликнула Василиса и отняла ложку у вумника:

– Дай сюда!

Горячий яблочный дух растекался по саду.

Яблоко было и в руке Василисы. Наведя порядок в отношениях с прислугой, она поудобнее уселась на скамейке и надкусила яблоко.

– Хрум!

– Хрум! Хрум!

– Дзинь, – звякнул колокольчик у калитки.

– Хрум!

– Дзинь, – снова звякнул колокольчик, и за рослыми кустами смородины показались черные плечи, через одно из которых была перекинута скатанная рубашка, и улыбающаяся черная голова.

Джон вышел из-за последнего куста и церемонно поклонился:

– Здравствуйте, хозяйка!

– Что это ты голый по гостям расхаживаешь? – спросила Василиса, пододвигаясь на скамейке.

– Купаться ходил. А полотенце забыл. Пока шел, сох. Теперь уже можно и надеть.

– То-то я вижу, у тебя штаны мокрые, – заметила Василиса.

– Штаны пришлось надеть. Там по дорожке у старой мельницы крапива совсем сбесилась – так и норовит стегануть. Дорожка узкая, не уберечься.

– Так ты на озеро ходил, к русалкам?

– К русалкам, – вздохнув, признался Джон.

– Не боятся они тебя, такого черного?

– Да нет, я уже не первый раз.

– А крапива, значит, не пускает?

– Не пускает, у нее инструкция не пускать.

– А отворотный камень как же? Мимо него никто не может пройти.

– Я могу, – Джон наклонился к уху Василисы и что-то прошептал ей.

– Хитрый ты! Сразу видно, что дикарь, – сказала Василиса, – да уж ладно, никому не скажу. Ваньке разве только. С какого края ты его перепрыгиваешь.

– Женатым да замужним там нельзя купаться, – с убеждением сказал Джон. – Там не только камень, и вода отворотная.

Василиса задумалась и перестала жевать яблоко.

– А что это у тебя пенка розовая? – спросил Джон, забирая из руки Василисы ложку и пробуя варево.

---

³ ВУМник – Вездесущий Угодник Малый, аппарат со специализированным набором функций искусственного интеллекта, направленных на оказание помощи человеку в выполнении не сложных бытовых операций.

– Бруснику добавила, – ответила Василиса, продолжая о чем-то думать.
Потом тряхнула головой:
– Перестань по котлам лазить! И что это ты в гости с пустыми руками пришел!
– Да нет, не с пустыми, – Джон полез в карман, – смотри, какой гребешок, – русалки подарили. В старину царевна утонула, от нее остался.
– Тоже, наверное, отворотный? – усмехнулась Василиса.
– Точно, русалки так и сказали. Заболит что-нибудь, или горькие мысли найдут, поскоблешь больное место, или причешешься, все и пройдет. Только злоупотреблять нельзя. Особенно с расчесыванием.
– Так уж и быть, заслужил. Снимай пробу! – сказала Василиса, пряча гребешок в карман. Джон полез ложкой в котел и на минуту пропал в облаке душистого пара.
– Василиса снова задумалась, потом оглянулась на дом. Дернула Джона за штаны. Джон плюхнулся обратно на скамейку.
– Ух. Объеденье!
– Если еще хочешь, то... – Василиса нагнула его голову и в свою очередь что-то зашептала в черное ухо.
– Три литра, – сказал Джон, освобождаясь от цепкой руки Василисы.
– Литра хватит!
– Два литра варенья и яблоко! – Джон сорвал с ветки над Василисой яблоко и вскочил:
– Я мигом!
– Рубашку-то оставь, – сказала Василиса, – что туда-сюда таскать?
– Верно, – Джон положил рубашку на скамью и быстрым шагом скрылся за кустами смородины.
– Дзинь, – звякнул колокольчик у калитки.
На крыльцо вышел Иван. Василиса оглянулась на него и переложила рубашку Джона на другой конец скамейки.
Иван подошел, сел рядом.
– Раскраснелся-то как, – сказала Василиса, доставая расшитый платок и вытирая лицо Ивана.
– И глаза-то совсем осоловелые. Тяжко?
– Тяжко, – вздохнул Иван, – осоловеешь тут. На Бате лица нет. Даже Прохор молчит. А Марья Моревна ничего, держится.
– Мы, бабы, такие – стойкие, – сказала Василиса, – хочешь попробовать?
Иван с минуту молчал, потом встал:
– После попробую. Пойду, разомнусь.
Иван пошевелил плечами и ушел в сторону сарая.
Василиса сунула ложку в котел, попробовала варенье, и пару раз стукнула ложкой по краю, убавляя температуру. На каждый удар котел отвечал: "Понял, не дурак".
Со стороны сарая раздались удары и треск раскальваемых поленьев. Оттуда, как большие мыши, прыгнули по дорожкам огородники и ВУмники. Один из них бежал вприпрыжку, почесывая на ходу то место корпуса, которое было обращено в этот момент назад.
Василиса вздохнула и с тоской в серых глазах снова оглянулась на окна дома.
Так прошел час.
Но когда от сарая перестал доноситься треск, и вместо него размеренные "вжик", "вжик" дали понять, что Иван обретает постепенно душевное равновесие, колокольчик у калитки снова звонко сообщил о том, что миг, про который сказал Джон, уходя, наконец-то закончился.
В этот раз в курчавых волосах Джона застряли куски водорослей, а с уха свисала желтая кубышка.
Джон запыхался. К тому же на его локте красовалась свежая ссадина.

– Где ободрался-то? – спросила Василиса.

– По дороге на дуб лазил, котенка снимал. Забрался, глупый, от собак, а слезть боится. А тут цепь еще без присмотра – качается, вызванивает, то ли "Свадебный марш", то ли "Марсельезу". Он сидит, мяучит, совсем разжалобил.

– Про цепь надо в ПрофСказ сообщить. Недогляд у них. Что за "Марсельеза"! Где это видано, чтобы русские цепи на иностранный манер звенели? Недогляд! – сказала Василиса.

– Сообщи, сообщи, только давай сначала уговор исполни. Только у меня банок нет, на твои рассчитываю.

– С холостой жизнью пора заканчивать, – ответила Василиса, – банок у него нет. Известное дело, откуда у русалок банки. Цветочки все, забавы.

– Да ладно, уж. Марья Моревна прохода не дает, так и ты еще туда же!

– Ну, ладно, так ладно. Принес?

– Принес, – ответил Джон и вытащил из кармана небольшой плоский пузырек.

Василиса вытащила пробку, понюхала:

– Тиной воняет!

– А как же, с самой глубины взяли. Там, где царевна утопшая.

– Не пугай, – ответила Василиса, – и без того тошно.

Она спрятала пузырек в карман, где уже лежал гребень, и участливо посмотрела на локоть Джона.

– Сходи к щуке, омой из бадьи живой водицей.

– Сейчас схожу. Спасибо. А Иван где? Хочу его на рыбалку позвать. Сомы русалкам житья не дают. И водяного задирают.

– С ума сошел! И не вздумай Ивана на отворотное озеро водить! Попробуй только заикнуться, узнаешь у меня, что такое гость незваный! – Василиса замахнулась на Джона ложкой.

– Не буду, не буду, – успокоил ее Джон, потом добавил, прислушиваясь, – вроде как Иван косу правит? Что это он, сам взялся? ВУмники испортились?

– Отдыхает он, умаялся.

– Чем умаялся-то? У него же выходной сегодня.

– Гости у нас, – грустно произнесла Василиса, и снова со вздохом посмотрела на дом.

– Тогда потом к нему зайду. Сначала локоть залечу. Щуку не побеспокою, не рассердится она?

– Ей не до тебя. Иди, только на пол не плещи.

Джон поднялся и направился к крыльцу. На полдороге обернулся:

– А ты не знаешь, почему цепь на дубе без присмотра? Куда кот подевался?

– Да там он сидит, – Василиса кивнула на окна горницы, – в гости к щуке пришел – с другом, с утра сказки рассказывает. И ни одной новой!

– Джон почесал затылок:

– Ладно, я тихонько проскочу. И сразу назад.

– Никаких назад, – прикрикнула Василиса. – Спроси у него, не хочет ли свежего молочка? И мне блюдце принеси. Я ему налью парного.

При этих словах Василиса бережно погладила карман.

Джон покивал, мол, понял и принял к исполнению, и продолжил путь к крыльцу. Но на крыльце он столкнулся с Марьей Моревной.

– Милости просим, милости просим, – заулыбалась она Джону, отходя к перилам, чтобы тому было проще войти.

А потом вонзила руки в бока и закричала Василисе:

– Хватит на дворе прохладиться! Иди к гостям! Негоже одних родителей оставлять. Отец еле отдувается.

Василиса скорчила губки жалостливо, еще пару раз стукнула по котлу, отдала ложку ВУмнику и нога за ногу поплелась в дом. Марья Моревна строго смотрела на дочь, но с каждым шагом Василисы взгляд ее все смягчался и смягчался:

– Выручай, доченька, мы языкам не обучены.

Когда Марья Моревна сказала про Батю, что он один отдувается, она нисколько не покривила душой. Батя сидел в горнице, как обычно на своем стуле с высокой резной спинкой, и, отдуваясь, пил чай из стакана в резном серебряном подстаканнике.

Рядом с ним только что присел Джон с мокрым локтем, но уже без ссадины. Джон с любопытством оглядывал общество, про которое древние писатели сказали бы, что оно было разношерстным.

Древние писатели даже представить себе не могли, насколько точен был их язык. И насколько разношерстным может быть общество.

Итак, Джон, покачивая головой, узрел следующее:

Посередине горницы на табурете стояла большая стеклянная гусятница, в которой неторопливо пошевеливала плавниками, щука. На лавке на подушке лежал черный с рыжими пятнами кот с золотой цепочкой на шее. Кот жмурился, иногда открывал пасть, но звука при этом никакого не издавал. Под лавкой сидел другой кот – серый в темную полоску. Этот был в одном сапоге. Второй сапог он тряс перед собой и время от времени из сапога выпадали монетки и старинные ассигнации. Серый кот иногда отрывался от своего дела и вопросительно поглядывал то на щуку, то на черного кота. Перед каждым котом стояли плошки с молоком и сметаной.

Старичок Прохор сидел на пуфике возле гусятницы со щукой. Он что-то напряженно высматривал в воде, шевелил губами и загибал пальцы.

Вошла Марья Моревна и налила Джону чаю. Джон взял большую баранку с блюда и, спрятав лицо за баранкой, наклонился к Бате:

– Трофим Трофимыч, давно сидят?

Батя промолчал и только прикрыл веками глаза. Зато Марья Моревна горестно воздела очи к потолку.

– Антологию пересказал? – шепотом спросил Джон.

Батя, как сидел с закрытыми глазами, так и остался сидеть, только кивнул.

– А мифы Древней Греции?

Батя кивнул.

– И "Записки Иона Тихого"?

Батя и тут кивнул

– А "Понедельник начинается в субботу"?

Батя кивнул дважды.

– Себя-то он любит, – вполголоса проговорила Марья Моревна, – свои подвиги в литературе по два раза рассказывает.

Джон откусил от баранки и хлебнул чая. На его лице явственно было написано слово, которое он из вежливости оставил при себе.

– Бедолаги, – хотел сказать Джон, но удержался.

Дверь раскрылась и в горницу вошла улыбающаяся Василиса с кувшином, прикрытым белым полотенцем, в руках.

– Парного принесла! Только что ж вы, гости дорогие, все молчите.

– Они уже час как молчат, – сообщил старичок Прохор, и продолжил:

– Они телепатически между собой общаются, неизведанными возможностями разума пользуются. Я вот пузыри считаю. Думаю, что с азбукой Морзе что-то общее есть.

– Есть такая азбука? – спросил Джон.

– Древняя! – ответил старичок Прохор, – тебе не обязательно знать.

Василиса проплыла к гостям и в каждое блюдо добавила свежего молока. По пути она каждого ласково пригласила подаренным Джоном гребнем.

Кот с цепью на шее ничего не сказал, только высокомерно глянул со своей подушки на Василису, а Кот в одном сапоге поклонился и с акцентом произнес:

– Премного благодарю!

Потом он сгреб монетки и ассигнации в кучу и обратился к Марье Моревне:

– Мадам, позвольте оставить у вас на сохранение. Русский сундук – надежнее швейцарских банков, как начали говорить у нас во Франции после 14 июля⁴

– Оставляй, чего там, не впервой, – ответила Марья Моревна.

– Премного благодарю, – ответил кот и поднял двумя лапами блюдо с молоком, – за ваше почтенное семейство!

Кот с цепью тоже сунул нос к блюду, поморщился, но отпил добрую половину. Облизнулся, икнул, и недовольно посмотрел на полосатого.

Тот виновато поднял лапки, мол, молчу, молчу.

– Матушка, а для кого же ты звала по-иностранному говорить, – спросила Василиса Марью Моревну.

– А на окошко взгляни, – ответила Марья Моревна.

Василиса взглянула на окно, на румяных щечках появились ямочки. Она поставили кувшин на стол, вытерла руки о подол и ласково произнесла:

– Welcome! Welcome!

На окне, на открытой форточке сидел громадный черный ворон. Он наклонил голову в бок и посмотрел сверкающим мрачным глазом на Василису.

– Would You like a few milk? – продолжила проявлять гостеприимство Василиса.

Ворон наклонил голову в другую сторону, и вдруг гаркнул, раскрыв розовый клюв:

– Nevermore!

Василиса растерянно оглянулась на Марью Моревну, прошептала:

– Что ему предложить?

– Сахарку, сахарку подай, – сказал старичок Прохор, не отрываясь от наблюдения за пузырями. – У Данилы Мастера попугай живет, только сахарком и балуется.

Василиса с помощью Марьи Моревны быстро-быстро – только голые локти мелькали над столом, собрала на отдельную тарелочку кусочки сахара и еще прихватила с блюда баранку. Подошла к форточке и протянула ворону в одной руке блюдо с сахаром, а в другой баранку.

Ворон поморгал на баранку, снова открыл клюв:

– Nevermore!

А сахарок схватил клювом и проглотил. Потом схватил второй.

Василиса, поминутно оглядываясь на ворона, вернулась к столу и села рядом с Батей. Заговорщицки улыбнулась Джону и вполголоса спросила:

– Как думаешь, когда подействует?

Джон пожал плечами.

Василиса посмотрела на форточку, на которой ворон грыз, придерживая лапой, сахар.

– Может, ему сахарок в молоке намочить?

– Nevermore! – каркнул ворон, замотав головой из стороны в сторону

– Nevermore!

– Понимает! – потрясенно произнесла Василиса.

– Полиглот, – сказал старичок Прохор.

– Мудреная птица, – сказала Марья Моревна, и добавила.

– Ты лучше отцу молока в чай добавь.

---

⁴ Кот намекает на 14 июля 1789 года – день взятия Бастилии в ходе Великой Французской революции.

– Хорошо, – сказал Батя, приоткрыл правый глаз, оглядел общество и снова закрыл.

– Я другого принесу, – сказала Василиса, забрала кувшин и ушла с ним на кухню.

Кот с цепью снова поморщился, но допил из своего блюдца. Зевнул и поднялся, выгнув спину.

– Ну, и нам пора, – сказал он, – да и молоко у вас, не обессудьте, тиной пахнет.

Полосатый натянул второй сапог и обутыми лапами сгреб богатство поближе к сундуку.

– Иду, иду, – и поспешил за черно-рыжим.

Коты степенно, задрвав хвосты, прошли к окошку, остановившись на секунду у гусятницы, кивнули шуке и, мягко прыгнув, исчезли в форточке, потеснив недовольного ворона.

– Доброго пути, заходите, когда сможете, – пробурчал Джон, продолжая жевать. Марья Моревна сердито взглянула на него.

– Так всегда говорят, – виновато произнес Джон:

– В Африке! – резко ответила Марья Моревна, и хлопнула в ладоши

Появились подавальщицы, взяли за гусятницу и понесли шуку обратно в бадью.

Батя открыл глаза. Увидел, что в горнице никого не осталось, встал, потянулся с хрустом крупным телом. Вышел из-за стола, подошел к ворону, протянул ему на толстом пальце кусочек сахара:

– Ну, птица-говорун, сядешь к столу?

Ворон схватил сахар и, шумно взмахнув крыльями, перелетел за стол, сел на высокую спинку батиного стула.

Старичок Прохор, кряхтя, подошел к окошку, закрыл форточку:

– Вечереет. Холодком потянуло.

Марья Моревна всплеснула руками:

– А ведь и ужинать пора, – она хлопнула в ладоши, пошла распоряжаться.

– А после – чай с новым вареньем, – сказала Василиса и последовала за Марьей Моревой.

Старичок Прохор подсел к столу, пододвинул к себе блюдо с баранками:

– Совсем мозги наперекосячились с телепатией ихней. Сиди тут, как цапля, пузыри считай! Проголодался, живот сводит.

– Плохо, – сказал Батя.

– А ты на баранки налегай, – посоветовал Джон.

Старичок Прохор деловито посмотрел на Джона с Батей, кивнул в сторону буфета.

– Перед ужином не вредно бы. За гостей.

Батя открыл было рот, но не успел ничего сказать.

– Nevermore! – каркнул ворон, – nevermore!

Все замолчали, и было слышно, как на кухне Марья Моревна шумит тарелками.

После ужина, как обычно, сидели на скамейке в саду, считали спутники.

Джон вертел в руках увядшую кувшинку, вполголоса расспрашивал Марью Моревну, какие есть заклинания, чтобы русалку превратить обратно в девушку.

– Не ты первый интересуешься, – отвечала Марья Моревна, – ну да уж ладно, за подвиги твои сегодняшние так уж и быть, побеспокою завтра шуку.

Василиса прижималась к Ивану и время от времени подбрасывала на дорожку кусочки сахара.

По дорожке скакал черный ворон, поглядывал на нее лукавым маслянистым глазом и приговаривал:

– More! More!

Заветный пузырек и гребень Василиса отдала Марье Моревне, а та положила их в холщовый мешочек и убрала на дальнюю полку – за жгучий перец и ядрёный хрен со своего огорода.

БУНТ МАШИН (ТОЛЕРАНТНОСТЬ)

– Однако, как тяжело без прессы, – пробормотал старичок Прохор, поднимая глаза от вчерашней газеты, кроссворд в которой был уже разгадан и перечеркнут карандашом.

– Хорошо, – сказал Батя, не отводя пристального взгляда, направленного поверх стакана с кофе на согнутую спину Ивана.

Сам Иван в это время сидел на стуле перед телевизором, повернутым к нему задней стенкой. Два ВУмника держали телевизор снизу на пяти лапках. Тремя другими они подавали Ивану инструменты, а на остальных стояли, переминаясь.

– Что хорошо? – спросила Марья Моревна, сидящая рядом с Батей.

– А то хорошо, что почтальона сегодня нет. Калитку никто не сломает.

– Давняя история, а конца не видно, – сказал Иван. – Мы им пишем, чтобы дополнительно запрограммировали почтальона на открывание калитки внутрь, а они нам отвечают, что бы мы сами свою калитку перевесили. Волокитчики. Не хотят систему координат у почтальонов модернизировать.

– Калитку перевешивать не будем, – веско сказал Батя, – как деды повесили, так пусть и висит.

Иван вытянул из внутренностей телевизора три разноцветных проводка и в задумчивости стал их рассматривать.

– Контакт оборвался, – сказал он.

– Плохо, – сказал Батя.

– Что плохо? – спросила Марья Моревна.

– Прогноз погоды на месяц не узнаем, – ответил Батя.

– А вот если бы почтальон пришел, в газете бы прочитали, – сказал старичок Прохор.

Дверь в горницу медленно раскрылась. В темном проеме, освещенном только сиреневым сиянием из кадки с живой водой, показалась согнутая фигура. Фигура пятилась задом, а руками тащила кого-то явно упирающегося.

Василиса, которая спускалась в эту минуту по лестнице и увидела под вздернутой рубашкой черную кожу вошедшего, и, может быть, даже и курчавую голову, скрытую пока от всех в горнице зелеными штанами, воскликнула:

– Джон! Кого притащил?

– Что, и вправду Джон? Что это ты в такой неудобной позе? – спросила Марья Моревна.

Джон продолжал пятиться к центру, не отпуская кого-то из рук, пытая и отдуваясь.

Старичок Прохор поднялся с лавки и проковылял к Джону, посмотрел через его широкую спину в прихожую.

– Он за порог цепляется, тут пнуть его надо. Только я не смогу по причине колена, – сказал он и вернулся к лавке, вертя головой за черным пятнышком в воздухе.

– Ах ты, здоровая какая! – Прохор, едва усевшись, хлопнул свернутой в трубку газетой по лавке.

Большая черная муха резво отскочила в сторону и с гулом взвилась под потолок.

Иван отпустил три разноцветных проводка, встал и обошел Джона со стороны головы.

– Пнуть, говоришь, хорошенько? – спросил он.

– Именно, пнуть, – подтвердил старичок Прохор, не отрываясь от наблюдений за мухой.

Иван пнул, что-то щелкнуло, и Джон с размаху приземлился на пятую точку аккуратно посередине горницы. На живот ему упал попискивающий подметальщик.

Джон собрал лапки подметальщика в подобие букета, потом ловко перевернул его брюшком вверх и обратился к Ивану:

– Вань, дай отвертку.

– А тебе зачем? – спросил Иван, протягивая руку за спину в сторону ВУмника, чтобы передать отвертку Джону.

– Да надо немного в мозгах у этого подметальщика поковыряться. Не слушается.

Иван так и застыл с протянутой назад рукой. И все тоже подались к Джону и захлопали глазами. Даже Батя пошевелил головой, услышав такую новость, что подметальщик да вдруг не слушается человека. Батя даже набрал воздуха, чтобы что-то сказать веское, но промолчал и только еще раз покачал головой.

– Да как же это так! – воскликнула Марья Моревна.

– Да вот так, – ответил Джон. – Мух что-то в дом поналетело. Я ему, – Джон потряс подметальщиком, – говорю, мол, прыгай и бей их. А он только глазками таращится и лапки под брюхо прячет.

– А раньше бил? – спросил Иван.

– А то как же! Прыгал до потолка и одновременно до трех сбивал. Я, правда, на окно сетку поставил. Мух не стало. Так он потом у меня на осах практиковался. Целое гнездо на чердаке извел. А однажды и до воробья добрался, но тут силенок не хватило. Из воробья, конечно, пух-перья полетели, но воробей жив остался.

– А как же теперь, откуда мухи, если сетка на окнах? – поинтересовался старичок Прохор.

– Да кто их знает? – пожал плечами Джон. – Может, через дверь. А то я еще видел, что они – мухи некоторые – сетку прогрызают. Какая-то новая популяция, здоровые такие, черные.

Джон передохнул:

– Так дашь отвертку?

Иван повернулся к ВУмнику, у которого в лапке была отвертка.

Но ВУмник и не думал вкладывать инструмент в протянутую руку Ивана. Он мелко дрожал, а лапку с отверткой прятал за спинку.

– Ты что же это? – удивился Иван и потянулся к ВУмнику.

Но тот вдруг перестал держать телевизор и бросился от Ивана под дальнюю лавку.

– Ах, ты! – воскликнул Иван, едва успев подхватить падающий телевизор.

– И с вашими тоже что-то не в порядке, – сказал Джон, поднимаясь и пересаживаясь на стул.

Своего подметальщика он по-прежнему держал за все лапки.

– Ш-ш-ш, – прошептал старичок Прохор, – поднося палец к губам. – Сейчас проведем эксперимент.

Сморщенным пальчиком он указал на полку с чайным сервизом, украшенным рисунком цветастых бабочек. Под полкой сидела большая черная муха.

– Поняла, – заворожено произнесла Василиса, – научный эксперимент.

Она сложила ладони лодочкой возле алых губок и шепотом позвала:

– Пушистик!

Из дальнего угла, от сундука Марьи Моревны раздался топоток, и в горнице показался Василисин персональный подметальщик с серебряной длинной шерсткой до самого пола, подаренный ей на свадьбу как раз Джоном. По пути он деловито собирал невидимые обычным глазом крошки и даже хотел прибрать в свой мусороприемник горстку гаечек возле стула Ивана.

– Но-но! – грозно сказал Иван, прикрывая гаечки ногой.

Серебристый подметальщик, он же "пушистик" подбежал к туфелькам Василисы и поднял на нее свои четыре глаза.

– Убей муху, – негромко скомандовала Василиса, движением головы указывая на стену с полкой.

Подметальщик повернул глаза, потом поджал под себя лапки и не тронулся с места.

– Живо! – повторила Василиса.

Подметальщик зашевелился, медленно подполз к стене под полкой, пошевелил объективами на гибких тонких штангах как бы прицеливаясь.

– Ну! – воскликнула Василиса, – смерть насекомым!

Подметальщик пискнул, подпрыгнул и всеми восемью лапками ударил по чашкам на полке. Потом приземлился и тут же начал резво собирать посыпавшиеся осколки в кучку.

Муха слетела со стены, сделала круг по горнице, присела на спинку подметальщика, который на это никак не среагировал, и снова перелетела на стену.

– Свихнулся! – воскликнула Марья Моревна.

– Они что, сегодня все не в себе? – возмутился Джон.

– А может, вспышка на солнце? – сказал старичок Прохор, доставая из кармана черные очки и поворачиваясь к окну.

– Ерунда какая-то, – попытожил Иван, аккуратно ставя телевизор на пол, – разбираться надо.

Он взял из дрогнувшей лапки второго ВУмника отвертку и направился к пушистому подметальщику. Тот пронзительно запищал и скрылся за сундуком.

– Бойтся, – сказал Иван, знает кошка, чье мясо съела! Прячется, значит, соображает.

– Плохо! – сказал Батя, отгоняя от стакана другую, но тоже большую черную муху.

Обе мухи взлетели, встретились под потолком и стали кружиться. Гудение от их серебряных крылышек напоминало гудение ветра в проводах.

Кто-то стукнул в дверь. Дверь скрипнула и нехотя отворилась. На пороге стоял ЭДИП – электрический доставщик информации почтовой.

– Вот те раз, просто техническая революция! – радостно воскликнул старичок Прохор, глядя в окно, из которого была видна калитка.

– Что это тебя так развеселило? – спросила Марья Моревна.

– Да калитку этот чертов почтальон в этот раз не поломал, правильно, во внутрь открыл.

– Как деды повесили, так и будет висеть, – пробасил от стола Батя, грозно посмотрев на ЭДИПа.

Василиса подошла к почтальону, взяла у него из лотка конверт и газету. Приложила дважды – по числу корреспонденций указательный палец к серебряному значку на груди автомата: лично подтвердила получение. Газету отдала старичку Прохору, а письмо отнесла Бате.

– Ну, иди уж, – сказала Марья Моревна почтальону.

ЭДИП повернулся и занес ногу над порогом.

– ЭДИП, как у тебя с комплексами? – как всегда, когда видел почтальона, спросил Иван.

Пластиковая спина с эмблемой Мирового Информационного Фонда в виде стилизованного золотого паука на секунду замерла. Верхняя часть корпуса повернулась в сторону Ивана и из динамика раздался ответ:

– Должен отнести вопрос к разряду не поддающихся осмыслению и потому уничижительному. Обязан доложить о попытке уничижения и унижения.

– Иди, докладывай! – в сердцах сказал Иван, – да поторопись, а то у нас сегодня день бесплатных пинков.

– Обязан доложить об угрозе физического воздействия, уничижения, унижения и уничтожения – повторил ЭДИП и вышел.

– Зачем ты с ним так, он же ящик безмозглый, к делу тяжелому не по своей воле приставленный, – сказала Марья Моревна.

– А затем, что я уже раз сто калитку чинил с тех пор, как его научили входить, а того, что калитки в разные стороны открываются, не запрограммировали. Раньше газеты в ящик за забором клали, а как приняли декрет об обязательном подтверждении в получении путем пальцеприлагания, так он и ломает.

– В этот раз, когда входил, не сломал, – повторил старичок Прохор.

– Теперь совсем ломать не будет, – сказал Батя, передавая письмо Василисе, – на, прочти.

Письмо было из центрального офиса почтовой компании. В нем сообщалось, что для исполнения пожеланий многочисленных домовладельцев в программу ЭДИПов добавлена опция открывания калиток во внутрь.

– Выбор направления открывания определяется самим автоматом путем моментального анализа сопротивления. Никаких дополнительных знаков, указывающих направление открывания калиток, на входе не требуется, – прочитала Василиса.

– Вот какие умельцы, – покачал головой старичок Прохор, – и в какую сторону открывать сами понимают!

– Только обидчивые какие-то, – сказал Иван, возвращаясь к телевизору.

– Тут и об этом написано, – Василиса перевернула страницу, – вот: для пополнения информации о частных предпочтениях получателей корреспонденции в целях улучшения их обслуживания в программу внесены более чувствительные настройки на интонации, тембр голоса и многие другие параметры домовладельцев.

– Ну, теперь понятно, – ответил Джон, – у кого эдиповы комплексы, а у кого ЭДИПовы программы.

Он потряс своего подметальщика за лапки, посмотрел на грудку фарфоровых осколков, до сих пор не убранных, и спросил:

– Что с этими бездельниками делать будем?

– И с мухами, – добавил старичок Прохор, глядя на потолок, у которого носилась уже целая туча черных больших мух.

Джон поставил своего подметальщика на пол, показал ему пальцем на мух под потолком, и скомандовал:

– Убрать!

Подметальщик прижался к полу, сложил лапки на спинке, но остался неподвижен.

– Не слушается, – удивленно произнес Джон.

– Это какой-то бунт машин, – сказал старичок Прохор, шурша газетой со своей лавки.

– Ладно с мухами, давай телевизор починим, – позвал Джона Иван, – я неисправность нашел, осталось контакты восстановить.

Джон и Иван занялись телевизором. Оставшийся возле них ВУмник старательно подавал инструменты и держал фонарик, освещая через снятые планки черное чрево аппарата.

– Зачем ему так много мозгов, если мы от него только прогноз погоды и ждем? – спросил Иван, имея в виду телевизор.

На его риторический вопрос никто отвечать не стал.

– Я понял, почему он чашки раздолбал, – сказал Джон, глядя на осколки у стены – Василиса ему во второй раз сказала убить не муху, а насекомых. Вот он на нарисованные бабочки и нацелился. Учить их надо.

– Да, у этого мозги лишние, а у тех – не хватает, – сказал Иван, засовывая отвертку в телевизор.

Бах! раздалось от стола.

– Попал! – воскликнула Марья Моревна

– Убил! – захлопала в ладоши Василиса.

Батя поднял широкую ладонь, под которой оказалась раздавленная черная муха, и наклонился к столу:

– Ну-ка, дочка, принеси лупоглаз!

Василиса резво сбегала к сундуку и вернулась. Батя прищурил один глаз, а вторым принялся рассматривать раздавленную муху.

– Готово, должен заработать, – сказал Иван, с помощью Джона возвращая телевизор на стенку, – где пульт?

Старичок Прохор, не отрываясь от газеты, вытащил пульт из кармана и протянул, не глядя, Ивану.

– Да, не будет она больше работать, – произнес Батя.

– Да не она, а он, телевизор, – поправил Батю Иван, – почему не будет? Сейчас включим.

Иван нажал на кнопку, телевизор зашипел, настраиваясь на каналы, в объемном экране замерцали звездочки и искорки.

– А я не про ящик, я про нее, – сказал Батя.

– Про муху? – спросил Иван.

– Не муха это, – произнес Батя, откладывая лупоглаз, – а хрень автоматическая назначения неизвестного.

– Да ну! – удивились Иван с Джоном, с двух сторон подходя к Бате.

Василиса тоже приподнялась со своего стула и легла грудью на стол, чтобы поближе рассмотреть черную пыль перед Батей.

Джон посмотрел в лупоглаз, потом передал его Ивану.

– Да, – согласился Иван, – ничего живого. Микросхемки на микробатарейках.

– А какие манипуляторы, как волоски, – добавил Джон.

– Изящная работа, – сказал Батя.

– Но зачем? – спросила Василиса.

– А затем, что почтальонов оскорблять не надо, и газеты вовремя получать, – прокашлял с лавки старичок Прохор. – Вот тут черным по белому написано, что и не мухи это вовсе. А в порядке эксперимента выпущены в автономный полет модернизированные уборщики хлама атмосферного мелкого. Вот как теперь пыль именовать следует – хлам атмосферный мелкий.

– Тогда все понятно, – сказал Джон, разгибаясь.

Он подошел к своему подметальщику, присел возле него и погладил по спинке:

– Ты-то сразу понял, что это не мухи, а микроавтоматы. На своих рука не поднимается.

– Так и есть, – сказал Иван, – нас еще в школе учили, что домовые автоматы имеют блокировку против команд или случайных сигналов, направленных на уничтожение других автоматов. Это из-за того, что им приходится в тесном контакте друг с другом работать без присмотра, а научить всех понимать, что другие делают – сложно для таких небольших габаритов. Так вот, чтобы не учить, решили просто запретить физический контакт. Толерантность, одним словом.

– А гудят все-таки препротивно, – пожаловалась Марья Моревна, закрывая уши ладонями.

– Сделай звук погромче, – посоветовал старичок Прохор, с любопытством глядя в телевизор.

Он поерзал на лавке, устраиваясь поудобнее, и позвал:

– Марья Моревна, иди сюда. Твоя передача – кулинарная,

– А то и правда, совсем забыла, захопоталась! – воскликнула Марья Моревна, усаживаясь рядом с Прохором.

В телевизоре медленно поворачивался великолепный, украшенный кремом, взбитыми сливками, ягодами и чем-то еще по виду вкусноты неопишуемой огромный торт. От экрана медленно поплыл аромат ванили, клубники, арбуза и цветов.

– Пахнет, как плантация фиников, – сказал Джон.

– Как земляничная поляна, – добавила Василиса.

– Как вересковая пустошь в цвету, – щегольнул эрудицией Иван.

– Моей шестидесятиградусной пахнет, – пробубнил старичок Прохор.

– Да помолчите вы! – сказала Марья Моревна, бесшумно шевеля губами, повторяя рецепт с экрана.

Тут черное облачко под потолком издало совсем уж гнусное жужжание, сгруппировалось в клин и ... стремительно влетело в экран, облепив торт со всех сторон!

Запахло горелой пластмассой, что-то вспыхнуло, и экран погас. Мухи посыпались вниз. Из-под дальней лавки тут же выбежали давешние ВУмники с отвертками в лапках, а оба подметальщика бойко застучали лапками по полу.

– Пойду на свежий воздух, – сказал Иван, – пока эти тут приберутся.

Он прошел мимо бадьи со щукой, на ходу смочив ладонь и протерев холодной живой водой лоб, вышел на крыльцо.

– Черт! Чтоб его! – раздался через минуту с крыльца громкий крик.

– Случилось что? – спросил Джон, выходя следом за Иваном.

– Случилось, – сказал Иван, показывая на дорожку к забору. Калитка была сорвана и лежала так, как будто ее сильно толкнули наружу.

– Это тебе месть за ЭДИПов комплекс, – посочувствовал Джон, – надо написать в управление, чтобы сменили почтальона.

– Бесплезно писать, – сказал Иван.

– Почему?

– Да потому, что мы думаем, это бунт машин, а это перекося в мозгах!

Вечером, как обычно, сидели в саду на скамейке.

Джон достал трубочку и умело плевал через нее жеваной бумагой по мухам, попадая часто.

Старичок Прохор делал то же самое, но все время промазывал.

– Попробуй, разберись тут, какие из них настоящие, какие нет? – ворчала Марья Моревна. – Кто теперь этим автоматам ум-разум вправит.

Ум-разум автоматам вправляла щука. Вокруг бадьи в прихожей собралась челядь и, опустив объективы к полу, внимали ее неслышным наставлениям. ВУмники, подметальщики, огородники и прочие помощники поскрипывали и попискивали. Молчали только полные синеватые подавальщицы, пришедшие с кухни.

Впрочем, всем и так известно, что подавальщицы вообще не говорят – а только хороводы водят, да поют.

ВРЕМЕНА ГОДА

Батя сидел за столом на своем стуле с высокой резной спинкой. Стучал кулаком по столу.

– Кто!

Удар

– Написал!

Удар.

– Времена!

Удар.

– Года!

Удар.

Звонящая тишина.

Удар.

– Да кто бы не написал, с него и взятки гладки, – сказал с лавки старичок Прохор.

– И что это за новость такая неожиданная, – в расстроенных чувствах добавила Марья Моревна, – этот циркуляр сыграет недобрую шутку с нами.

– Лучше я сейчас сыграю, – воскликнула Василиса и побежала к полке.

Достала рулончик, расстелила скатомузку прямо на столе, сама уселась поудобней.

– Вот, "Времена года". Со "Святок" начну!

– Хорошо, – сказал Батя, а сам насупил брови.

Старичок Прохор на лавке согнулся, положил подбородок на ладони, но пальцами уши то прикрыл. Василиса низко нагнулась над напечатанной клавиатурой и ударила по клавишам.

– Хорошо, сказал Батя, – громко!

В прихожей затопали. Вошел Джон.

– Празднуете уже? Или только репетируете? Правильно делаете, Рождество скоро.

– Да уж теперь не известно, когда, – пробормотал Иван.

– А может, и вообще никогда, сказал старичок Прохор и ткнул пультом в телевизор. – Вместо погоды одни амазонки.

– Плохо, – сказал Батя.

– Случилось что, Трофим Трофимыч? – спросил Джон, приваливаясь спиной к двери.

Дверь вздохнула и ощутимо напружинилась.

– А под стол загляни, – сказал Батя.

Под столом лежали смятые в комки бумажки. Джон вопросительно посмотрел на Марью Моревну. Марья Моревна щелкнула пальцами.

– Ох! Самому уж и не нагнуться с трудов-то, родимому!

На шелчок из-за сундука выбежал на восьми ногах покрытый шелковистой ангорской шерстью в пол шустрый подметальщик. Побежал под стол, но не выдержал – сделал крюк, стер капельки от растаявших снежинок с сапогов Джона, и, прибавив скорости, помчался к бумажкам. Уставил на них три из четырех глаза, а четвертый воздел вверх прямо сквозь столешницу на Марью Моревну.

– Почитать! – строго сказала Марья Моревна.

Подметальщик завертел лапками, разгладил листы.

– Ему! – Марья Моревна кивнула в сторону Джона.

Подметальщик побежал, неся белые листы над собой, как белый флаг. Подбежал к сапогам Джона и подпрыгнул на добрые полтора метра, всучил циркуляр прямо в черные руки, опустил медленно, распушив как облако белую шерсть, и, зыряка во все стороны глазами на палочках, спрятался за сундуком.

– Зачем вашему четыре глаза? – спросил Джон.

- Чтобы лучше видеть, – хихикнула Василиса.
- Четыре глаза, – хорошо, сказал Батя.
- Да только инженеришки с мозгами что-то напутали, – добавил Иван. – Он, когда в перекрест сам на себя смотрит, задумывается. Пинать приходится.
- Сам себя не узнает, горемыка, – жалостливо пояснила Марья Моревна.
- Джон тем временем прочитал бумагу, почесал облупившийся нос.
- А с носом-то что? – спросила Василиса.
- Да подморозил вчера на ветру, – ответил Джон, удивленно разглядывая циркуляр, – на санях-самоходах наперегонки вдоль взлетной полосы гонялись.
- Так, значит, видел ящик с надписью, которым двух погрузчиков вчера же и придавило? – спросил Иван.
- Ящик видел, – ответил Джон. – И лапы погрузчиков, торчат снизу как щупальца осьминогов. Дергаются, выбирают помаленьку.
- Вот-вот, – прокудахтал старичок Прохор. – Скоро и в нашем озере осьминоги заведутся.
- Плохо, – сказал Батя.
- Джон посмотрел на свои подчищенные подметальщиком сапоги, шагнул к столу, сел.
- А надпись на ящике прочитал? – продолжал спрашивать Иван.
- Читать некогда было, – ответил Джон, – гонка!
- Вот, молодежь, – всплеснула руками Марья Моревна, повернувшись к Бате, – ящик такой, что лес загораживает, сблизил смотреть, а они надписи не читают. Ничем не интересуются!
- Плохо, – согласился Батя и повернулся к Василисе, – а ты с музыкой-то повреди. Дело обмозговать надо.
- Да что за дело? – спросил Джон, – не томите. У меня голова не щучья, самому догадываться.
- Шука не догадывается, она точно знает, – поправила Джона Марья Моревна
- Ее поддержал старичок Прохор:
- Вот и я говорю, шука – не попугай. Здесь вам не Африка!
- Не вам, а нам, – обиделся Джон, – при чем тут Африка!
- Старичок Прохор уставился на Джона, как будто первый раз увидел.
- Читать надо на ящиках, не на заборе, чай, для знающих людей писано.
- А все равно не поссоритесь, – сказала Василиса.
- Ну, значит, так, – сказал Батя и задумался, подперев голову кулаками. – Дело, значит, не простое, а государственное.
- Все замолчали. Джон тихонько пересел на лавку к старичку Прохору, наклонился к самому уху, спросил:
- Я что-то совсем ничего не пойму, дед Прохор. Государственные дела разве в вашей избе делаются. Я думал – там, – Джон кивнул на потолок.
- Там, там, – также шепотом ответил Прохор. – Там делаются, а тут переделываются.
- Батя вздохнул, сжал кулаки. Марья Моревна, сидящая по-прежнему рядом, обвела настойчивым взглядом по лицам.
- Коровам оно, может и хорошо. А где мне амбары новые строить? А молотилку вторую кто подаст? – угрожающе произнес Батя.
- Медведи шалить начнут. Надо бы патронов прикупить, – задумчиво сказал Иван.
- Погреб затопит. И так худой. А как без погреба? – Марья Моревна склонила голову на плечо Бати.
- Колено, ох! – разболится, – старичок Прохор начал интенсивно растирать больное колено.

– А в отпуск когда же, Ванечка! Ведь собирались! Африку повидать мечтали, – взяла Ивана за руку Василиса.

– А скажи ты нам, будь добр, как у вас в Африке без погребов живут? – восторженно спросила Марья Моревна Джона.

Старичок Прохор толкнул локтем Джона в бок и предрек:

– И про санки-то забудешь.

– Да нормально живут, – ответил ошеломленный таким мрачным прогнозом Джон и вскочил.

– Что у вас тут происходит. Когда я входил, Трофим Трофимыч про “Времена года” спрашивал. Кто написал. А про санки я не забуду. Очень я эту забаву люблю!

Батя выпрямился на стуле, насмешливо посмотрел из-под густых бровей на Джона. Старичок Прохор тут же понял, какой ветерок подул, и тоже насупился.

– И кто написал? – спросил Батя.

– Наши, – Петр Ильич Чайковский, – ответила за Джона Василиса.

Потом посмотрела на стену, где с незапамятных времен висела картина маслом, изображающая виноградники на склонах Везувия, и добавила:

– А их – сеньор Антонио Лусио Вивальди.

– А ЭТИ? – спросил, ткнув пальцем в сторону бумаг в руках Джона, Батя.

– Эти, – Джон растерянно зашелестел листиками, – эти... – он нашел нужное имя, – министр Занзибаров.

– Так! – сказал Батя. – А выше что написано?

Старичок Прохор выдернул листки из рук Джона, кряхтя взобрался, на лавку.

– Читаю, – сказал он и начал нараспев:

– Циркуляр номер... так-так... Начало пропускаем, вот главное: "установить в квадрате, ограниченном 50-ой и 70-ой параллелями северной широты, 25-ым и 45-ым меридианами восточной долготы среднюю зимнюю температуру, равную температуре всхожести овса плюс 5 градусов Цельсия." А называется циркуляр "О временах года". Вот!

– Новость, так новость, – согласился Джон, глянул на картину с Везувием и добавил:

– Виноград посадите?

– Не дождутся! – ответил Батя.

– Наше все – из яблок и с медом, – многозначительно вставил старичок Прохор.

– А на ящике, – внес ясность Иван, – написано: “Даешь два урожая в год!”. В ящике – термоустановка.

Старичок Прохор засуетился и поминутно кивая головой на телевизор стал выдавать неслыханное:

– Особый луч устремляется вверх, достигает озонового слоя, отражается от него и плавно опускается по заданной параболической траектории, обеспечив в зоне покрытия среднюю температуру заданного диапазона.

– Как-то так, – вздохнула Василиса, по молодости и неразумению тоже иногда слушавшая новости.

Джон, наконец, уразумел широту проблемы. Он перевел глаза на другую стену, где тоже висела картина маслом, но изображающая солнечный февральский денек и детей на горке. Он встал и патетически провозгласил, почти как мавр в известной пьесе, текст, правда, использовал свой собственный:

– Я сюда не за этим ехал!

Потом повернулся к Бате:

– Что делать будем, Трофим Трофимыч? Письмо писать?

Зазвонил телефон. Василиса поднялась, сходила в прихожую, принесла трубку, протянула Ивану:

– Тебя. С космодрома.

Иван встал и отошел к окну, повернулся ко всем спиной.

А Джон пересел с лавки к столу:

– Трофим Трофимыч! Давайте прямо сейчас писать. На обороте – для наглядности.

– Ясность в этом деле должна быть полная, – согласился Батя.

– Я карандаш принесу, – промолвила Василиса и снова пошла к полке.

– И про погреб не забудь, – напомнила о своем Марья Моревна.

– А для наглядности большими буквами, – посоветовал Прохор.

– Ох! Вот незадача. Карандаш-то поломан, – воскликнула Василиса.

– Плохо, – проговорил сумрачно Батя, – кто за карандаши в доме отвечает?

Василиса поджала губки и щелкнула пальцами. Снова из-под лавки выскочил подметальщик, он же точильщик карандашей.

– Ой, как плохо! Опоздаем! Почта закроется! воскликнула Марья Моревна.

Иван закончил говорить по телефону, повернулся с сияющим лицом:

– А куда торопиться и не надо. Отбой тревоги.

– Что случилось, Ванечка? – спросили Марья Моревна и Василиса в один голос.

– Не тяни льва за хвост, – поддержал их Джон.

– Вы-кла-дай! – по слогам произнес Батя.

Иван сел на лавку, обнял за плечи старичка Прохора:

– Дело, значит, такое. Погрузчики из-под ящика выбрались. Разозлились на него, и раздолбали в пыль. Это же универсальные складские автоматы. В случае надобности неликвиды и тару поломанную утилизировать обучены.

– Да это же не тара! – удивился Джон. – Как они могли перепутать! Роботы ведь! Они штрих-код читать умеют!

– А это ты Прохора спроси, – ответил Иван, – твои механики вчера к нему приходили. Чем они погрузчикам окуляры протирали?

– Как чем? Нашим, лучшим, из яблок с медом, – гордо произнес старичок Прохор.

– Ой, как плохо! – схватился за голову Джон.

– Да уж, куда нагляднее, – хихикнул старичок Прохор.

– А не надо экономить на протирочном материале, – съязвил Иван.

– Ой, плохо-то как! – Джон закачался из стороны в сторону.

Некоторое время все смотрели на него и молчали.

– Ну, что ни делается, а все к лучшему, – степенно произнесла Марья Моревна.

Помолчав, нежно добавила:

– А ты, дочка, поиграй нам. Снова со “Святок” начни.

– Хорошо! – сказал Батя.

– И за “Времена года” не вредно бы... – резонно добавил Прохор.

Никто и не заметил, как он успел прошмыгнуть за дверь и вернуться с бутылкой, которую из осторожности держал обеими руками.

Вечером снова сидели в заснеженном саду, кутались в тулупы, воротники которых страстно обволакивали шеи. Джон так вообще пытался расстегнуться – не получалось: не мог преодолеть барьер застежек-самостежек.

Спутники не взлетали. Вместо звезд с неба густо падали снежинки.

– Вань, – спрашивала Василиса. – Мы точно в Африку поедем? Не передумаешь?

– Конечно, поедем, – нежно отвечал Иван, – щука сказала. Надо ехать.

ПЕТУХ

Накануне Нового года из туч обильно просыпался мягкий сухой снежок.

Старичок Прохор вернулся с сеновала и теперь сидел на лавке под окном, поджав босые ноги и с тоской глядя на скинутые у печки валенки. Правый валенок стоял неподвижно, и вокруг него постепенно образовывалось море разливанное от таявшего снега.

Левый валенок исправно выполнял очистительную функцию, напрыгивал на правый, постукивал об него боками, притоптывал об пол подошвой.

Правый не шевелился.

– Ишь, как прочно стоит, – сказал Батя,

– Уж как прочно, – согласно забормотал старичок Прохор. – У них, у валенок моих, когда мозги забарахлят, всегда этакая монументальность пробуждается. Не сдвинуть теперь, пока не высохнет.

– Бывает, – проговорил Батя, поводя головой в сторону самовара.

– Да ведь не дело это, – сказала Марья Моревна, наливая чай в стакан в серебряном подстаканнике и пододвигая его поближе к Бате.

– Точно, не дело – заерзал на лавке Прохор, – надо бы дровишек подбросить в печку, для жара. Они – валенки мои – побыстрее и высохнут.

Он замолчал, покосившись на свои босые пятки и лужу у печки.

Марья Моревна глянула через плечо на валенки, воду на полу, хлопнула в ладоши. Тут же из-под широкой лавки выкатился подметальщик, позыркал во все стороны глазками на телескопических усиках, побежал к луже.

– Вот ведь как сосет, – завистливо покачал головой Прохор, вытянув губы трубочкой и издавая звук почти такой же, что получался у подметальщика, который высунул из брюшка малый засосик и со свистом втягивал в себя талую воду и кусочки не успевшего растаять снега.

Подметальщик попытался сдвинуть правый валенок с места, чтобы убраться под ним, потерпел неудачу, попал, не успев увернуться, под пятку скачущего левого, обиженно замигал покрасневшими лампочками и скрылся под лавкой.

– А ты зачем на двор ходил? – спросила Марья Моревна.

– Мышей на сеновале гонял. И кровлю инспектировал – не прогнулась ли. Снега-то сколько навалило, – сдвинув для серьезности редкие брови, ответил Прохор.

При этом он зачем-то сунул руку в правый карман кафтана и что-то там пощупал.

– Ну и как, много мышей?

– Много! Ох, как много. В сене и притаились.

В трубе завывало, а в окна застучала снежная крупа.

– Зима! – веско сказал Батя.

– Ты ворота на сеновал прикрыл? – строго спросила Марья Моревна Прохора. – А то снегу нанесет, сено-то и замокнет.

– А то! Как же! Первым делом, – ответил старичок Прохор.

Теперь он уже оттопырил карман и внимательно глядел в него.

– Нету, – горько вздохнул Прохор. – Вот ведь незадача, пропала.

– Потерял что? – спросила Марья Моревна.

– Да нет, не потерял, положил где-то, – ответил Прохор и весь как-то съежился под пристальным взглядом Марьи Моревны.

– Значит, там и лежит, где положил. Не на лавочке у крыльца? А то занесет.

– Зима! – повторил Батя и пододвинул пустой стакан к Марье Моревне.

Дверь распахнулась, и в горницу влетели Василиса с Иваном: щеки красные с мороза, глаза веселые.

– Эх, ну и мороз, – воскликнула Василиса, сбрасывая шубку на руки подавальщицы. Та повернулась и тихо покатила за дверь, но промахнулась и ударила в стену, так как Иван накинул на нее сверху и свой тулуп, закрыв объективы.

– Валенки, валенки у печки снимите! – закричала Марья Моревна. – Воды по всему дому наносите!

– А мы твою трубку нашли, – сказала Василиса, подсаживаясь к старичку Прохору.

– Где? – спросил Прохор.

– Да у сеновала, почти у порога. Я дымок приметил, – ответил Иван. – Смотри, и сейчас еще теплится.

– Тс-с, – прошипел Прохор, прикладывая палец к губам и косясь на Марью Моревну.

– Понял, – заговорщицки подмигнул Иван, наклонился к уху Прохора и прошептал:

– А то, неровен час, запалили бы сено.

– Что-то вы припозднились. Весело на горке-то? – спросила Марья Моревна.

– Да уж как весело, все там! Гуляют! – ответила Василиса.

– Только вот мы петуха нашего не слышали, не простыл бы. Морозец крепкий, – сказал Иван.

– Морозу как не быть. Зима! – произнес Батя, хлебнул из стакана.

Марья Моревна тут же захлопотала вокруг него – пододвинула блюдо с пряниками и ватрушками.

Дверь снова распахнулась, и вошел Джон. Он огляделся по сторонам, и спросил:

– Не опоздал? А то я все жду, жду, когда петух ваш к ужину прокричит, а он молчит и молчит. Не простыл бы. Пришлось на свои смотреть.

Он посмотрел на запястье, на котором сиял золотом браслет новомодного хронометра.

– Чудная машинка, тикает, – сказал старичок Прохор, прислушиваясь. – Прямо как сверчок.

– Всю премию ухлопал, из самой столицы заказал, – начал рассказывать Джон. – А все равно петушок привычнее. И душевнее как-то.

– Я тоже не слышала, – забеспокоилась Марья Моревна. – Вань, сходи на двор, проверь петуха.

Иван ловко вскочил в пританцовывающие у печки валенки и исчез за дверью.

Джон подошел к старичку Прохору и сел возле него.

– Я заметил, ты на сеновал с трубкой ходил. Не опасешься? От искры, говорят, пламя возгорается.

– Я же говорила – рядом с сеном не курить! – воскликнула Марья Моревна. – Спалишь сено, чем кормить скотину будем?

– Тс-с, – запоздало прошипел старичок Прохор, еще ниже опуская плечи.

– Да ладно, ничего ведь не случилось, – сказал Джон.

Василиса его поддержала:

– Прохор внимательно курит. И он больше не будет.

Потом хлопнула в ладоши:

– А ужинать скоро будем? Проголодалась на горке.

– Что это вы все на сеновал зачастили? – Марья Моревна подозрительно посмотрела на Василису, потом перевела взгляд на Джона. – Подозрительно это!

В горницу вернулся Иван, держа за лапы петуха. Петух безжизненно висел в его руках, болтая головой с красным гребнем и желтым раскрытым клювом.

– Замерз, бедолага, – сказал Иван, садясь на лавку. – А в сенях душно. Я дверь на улицу приоткрыл, проветрим немного. А то шука жаловаться будет, всю ночь не уснем.

Потом подмигнул старичку Прохору и Джону:

– На сеновале все в порядке.

Старичок Прохор и Джон потеснились. Иван положил петуха к себе на колени, осмотрел его внимательно. Потом достал из заднего кармана штанов перочинный ножик, открыл какое-то лезвие и ткнул в петуха. Петух даже не дернулся.

– С ним не так надо. Дай я попробую, – Джон протянул руку, и петух перекочевал на колени к нему.

– У меня в прошлом году был такой. «Танец маленьких лебедей» выдавал вместо кукареканья. А потом наглотался на дворе червей, так танец превратился в похоронный марш.

С минуту Джон пытался что-то нащупать на шее у петуха, потом чем-то щелкнул, и голова вместе с изрядной частью шеи отскочила в сторону так быстро, что Иван еле успел поймать ее на лету. Несколько белых перышек выпали и плавно опустились на пол. К ним тут же ринулся подметальщик.

Старичок Прохор встал и засеменял к столу, поближе к Марье Моревне и Василисе.

– Не люблю я петухов этих. От них одни неожиданности. Вон как голова сиганула. Могла ведь в глаз клювом ткнуть.

Джон заглянул внутрь обезглавленного тела.

– Тут шило нужно. И маслице.

– Понятно тебе, – Иван пнул подметальщика.

Подметальщик застрекотал и побежал, снова еле увернувшись от левого валенка старичка Прохора, в кладовку. Через минуту он вернулся, радостно сияя синей лампочкой и гордо неся в одной лапке шило, а в другой масленку.

– А зачем ты его на двор выпускал? – поинтересовался Иван, передавая Джону шило и масло.

– Так он не спрашивал, сам выбегал. Жутко эти петухи бегать любят. Отпоет, и скок с подоконника на землю – и давай шнырять между кур. Огородники его не любили, пытались прогнать, да он своим клювом одного в пыль раскрошил, все микросхемы вывалились.

Джон капнул немного масла куда-то внутрь безголового тела, потом засунул в него шило, поковырял там.

Внутри петушиного тела что-то звякнуло, щелкнуло, и из шеи вырвался сноп искр. Безголовый петух задергался в конвульсиях, вывалился из рук растерявшегося Джона на пол, поднялся и заковылял кругами по комнате.

– Эх! – воскликнул Джон, – коротнуло!

Он бросился на безголового петуха, но промахнулся. Сбитый им петух вскочил на обе лапки, забил крыльями и побежал кругами по горнице уже так быстро, что старичок Прохор и Василиса даже зажмурились. Иван схватил со скамейки голову и швырнул ее в петуха. И тоже промахнулся.

Подметальщики прекратили убирать талую воду у печки, и рассредоточились, поворачивая вслед за передвижениями безголового петуха свои объективы, явно намереваясь взять его в кольцо.

– Ай, – воскликнула Василиса, поджав ноги, когда петух, продолжая сыпать искрами, пробежал под ее стулом.

– Мощный у него аккумулятор, – проговорил Джон, пытаясь накрыть петуха покрывалом. – И быстрый какой! Быстрее моего.

– Подушкой попробуй, – посоветовал старичок Прохор. – У подушки аэродинамика лучше, чем у покрывала. Или же ковер-самолет достать. Он его быстро накроет. Василиса, где у вас ковер-самолет?

– В сенах, в сундуке, рядом с кадкой, – прокричала Василиса, уже с ногами забравшаяся на стол.

Марья Моревна стояла коленями на стуле и пыталась достать петуха полотенцем, когда он стремительно пробежал мимо.

– Сейчас, сейчас принесу, – сказал старичок Прохор и короткими перебежками, как был босиком, побежал за ковром-самолетом.

– Дверь не открывай, – крикнул ему Джон, но было поздно.

Петух как был без головы, продолжая сыпать искрами, каким-то чудом проскользнул между ног Прохора в открытую им дверь. Было слышно, как он ударился с разбегу в кадку, потом послышался испуганный скрип подавальщицы, звон упавших на пол тарелок. Затем все смолкло.

– На двор побежал, – сказал старичок Прохор, опасливо выглянув в сени.

– А на сеновал ворота заперты? – спросил Батя, ставя на стол пустой стакан.

Иван, Василиса и Джон переглянулись между собой, потом не стовариваясь, кто в чем был, ринулись из горницы. Даже Прохор не удержался и запрыгал за ними следом, подхватив с пола свой левый валенок и натягивая его на ходу.

Но петух, хоть и был без головы, а может, именно потому, что был без головы, уже добежал до сарая с сеном и, судя по красным отблескам из-за двери и запаху дыма, сделал свое черное дело.

– Звонить надо пожарным, – жалобно произнесла Василиса.

– Уже летят, – ответил Джон.

И в самом деле, уже был слышен мерный гул, прерываемый курлыканием, пожарной команды. Огородники под ногами тащили шланг от колодца, а полнотелые подавальщицы передавали друг другу ведра.

– Вы что, с ума посходили! – махнула на них полотенцем Марья Моревна. – Додумались живой водой заливать. Что щука скажет? А ну, давайте обратно несите.

Послушные подавальщицы повернулись и понесли воду обратно в сени, в кадку со щукой. Огонь потушили быстро. Вернулись в горницу.

– Да, дела! – сказал Батя.

– Бывает, – пожал плечами Иван. – От судьбы не уйдешь.

– Бывает, – согласился Джон. – Непредсказуемая техническая неисправность.

– Чем скотину кормить теперь? – Марья Моревна горестно подперла голову ладонями.

Василиса всхлипнула.

– Да, дела! – задумчиво повторил Батя, нахмутив брови.

Вечером, завернувшись поплотнее кто в шубу, кто в тулуп, поджав ноги в валенках, сидели на скамейке перед домом. Старичок Прохор, так и не дождавшийся, когда придет в сознание его правый валенок, обмотал ногу прожженным в нескольких местах покрывалом.

– Двадцать литров! Двадцать литров чистейшего смородинового..., – бормотал он себе под нос, горестно поглядывая в сторону черной обгоревшей двери амбара.

Потом вздыхал и немного менял репертуар:

– А сколько чистейшего яблочного...

Щука простила всех за пролитую из бадьи живую воду. О чем-то пошептала с Марьей Моревной, и та, улыбнувшись, тоже шепотом передала что-то на ухо Бате.

– Ну, сказал Батя, – не беда. Раз уж цена на комбикорм упадет, а Зорька отелится, справимся. Не дрожите, погорельцы!

Иван наклонился к старичку Прохору:

– Прохор, а ведь в хлеву за застрехой все цело. Еще не начатая!

– Ш-ш-ш, – прошептал Прохор, прикладывая палец к губам и опасливо поглядывая на Марью Моревну.

Он вытянул вперед ногу в покрывале и снова затянул:

– Двадцать литров! Двадцать литров чистейшего смородинового...,

По его морщинистой щеке скатилась слеза, и упала на снег, блеснув как звездочка, отраженным светом фонаря над крыльцом.

– А теленочек будет черненький с рыженьким пятнышком на лбу, – мечтательно произнесла Василиса. – Назовем Звездочкой. Или Огоньком.

– Тьфу на тебя, – встрепенулась Марья Моревна, – накликаешь снова чего!

Старик Прохор завозился, подтянул покрывало на ногу.

– Надо бы ворота в хлев проверить, закрыты ли, а то не ровен час – простудится Зорька, – он вдруг поднялся, побряхывая. – Да ты сиди, Иван. Я сам доковыляю.

– Да что ты, помогу, – ответил Иван, подставляя плечо под руку Прохора, – как ты без валенка. А ворота – тяжеленные.

И они удалились в темноту, в поскрипывающие под ногами сугробы, откуда сладко несло навозом, и позванивала колокольчиком пегая Зорька.

МЕЖА

Батя сидел на привычном месте за столом. Вертел в руках стакан в подстаканнике, хмурил брови. Перед ним, склонив плечи и голову до самой скатерти, торчал как подгнивший сморчок, долговязый Петька.

– Кто, кроме Вас, Трофим Трофимыч? Никто! И дороги никто не знает, и силища нужна.

– Ты, Петька, толком скажи, что нужно. А то Трофим Трофимыч молчать долго не любят. Смотри, как бы не солоно хлебавши пришлось назад вернуться, в контору-то свою агитационную, – проскрипел старичок Прохор, по обыкновению просиживавший штаны на лавке под окном.

Батя молчал.

– Не солоно хлебавши уже не получится. Чай у вас сладкий, и пряники имбирные, – ответил Петька, – а что до конторы... Так дело нужное, государственное, из самой Столицы сигнал поступил – поднять межу. Да и время подходящее для СУББОТНИК⁵а – апрель! Потеплело, оттаивает природа наша!

– Конечно, – вступила в разговор Марья Моревна, – без межи какая жизнь? А вдруг Данила-мастер своих поросят распустит, и они на нашу сторону набегут?

– А то наши к нему не бегают? – скептически произнес Иван, подпиривший дверной косяк. – В прошлом году целый выводок сбежал. Спасибо Даниле, сам всех переловил. А то бы до самого Свистуна-разбойника добежали, еще неизвестно, какими бы вернулись. Свистунами-горлопанами поросычыми. Корми их потом. Что ни дай, все одно – ни жира, ни мяса. Одни кости да ... компоста этого...

– Вот-вот, поддакнул старичок Прохор, – не в коня корм. Разорение. Так ты про межу-то поподробней, поподробней скажи. Может, Трофим Трофимыч и согласятся.

– Да я вам и пытаюсь все растолковать. И в книжке вот – написано, – Петька положил палец на тошую брошюрку, оставив на ней мокрый след.

Брошюрка вздрогнула и переползла поближе к Марье Моревне.

– Ну и толкуй, толкуй, мил человек, ты на то и поставлен, чтобы толковать, – продолжил степенную беседу старичок Прохор.

Со второго этажа по ступенькам сбежала Василиса:

– Толковать, или толочь? Как правильно. Ой, надо у шуки спросить!

Василиса быстренько проскочила мимо Ивана, подтолкнув его локтем.

– Что встал? На работу опоздаешь!

Иван тряхнул головой, оторвался от косяка:

– Ладно, сами думайте, мне некогда.

Он вышел. Дверь за ним закрылась не сразу, и было слышно, как в сенях шука растолковывала Василисе:

– Я и говорю тебе, девка окаянная. Воду в ступе. В ступе пестиком. Брызгает, потому надо тихонечко, остороженько.

– Ну, придумают же! – удивлялась Василиса. – И долго толочь?

– Иди, иди уж, насмешница.

В сенях забулькало – то шука опустила на дно.

Василиса вернулась в горницу, присела на стул возле Бати, приподняла за уголок обложку брошюрки.

Из-под обложки быстро выскочила и снова спряталась розовая, как кошачий язычок, фи́га с обкусанным ногтем на торчащем пальце.

---

⁵ Стихийная Упорная Борьба с Безхозяйственностью, Отсталостью и Тоской по Настоящей Интересной Кутерьме.

– Сама дура! – воскликнула Василиса и воззрилась на Петькин нос.

– Ну, если коротко, – начал Петька, жалобно поглядев на блюдо с пряниками, – межа межует.

– Ну! – поразился старичок Прохор, – а я думал, она там просто так. А она, оказывается, вот что делает!

– Да, подтвердил Петька. – И нам от этого межа..., межуйст..., ме-же-ва-ния, – проговорил он по слогам, скосив глаз на брошюрку, которая понемногу продвигалась к локтю Марьи Моревны, – большая польза вроде как.

– И как? – снова спросил неугомонный старичок Прохор, для важности выставив вперед бородавку.

– Что заладил! Как? Как? – видишь, человек-то, Петька, книжку принес. В ней все про все сказано, – Марья Моревна взяла в пухлые ладони брошюру и осторожно начала ее перелистывать.

– Вот негодники! Буквы какие маленькие, ничего не вижу! – Марья Моревна повертела брошюрку, покачала головой и протянула ее Василисе:

– На, прочти!

– Вот еще, – обиделась Василиса. – Я что, сказочница, по-писанному читать? Кота позовите.

– Кот в командировке, – сообщил Прохор, – вернется к вечеру, когда сливки снимать будем.

– А транслейтер у вас есть? – с надеждой спросил долговязый Петька, поворачивая голову, при каковом маневре оказался нос к носу с большим имбирным пряником в форме утки.

– Транслейтер быстро все разъяснит, – добавил Петька, скосив глаза на пряник.

Василиса всплеснула руками:

– Был, был транслейтер. Правда, отечественный, «толмач ХР». Ваня его для усиления тяги в печку вмонтировал. Их один завод выпускает. Зимой печки, летом – в туристический сезон – «толмачей». А своей тяги у них мало, только до Данилы-мастера достает. А что нам про его семейные дела все слушать. Скучно!

– Ну, давай, значит, почитаем, – сказал старичок Прохор и просеменил к столу. Взял затрепетавшую брошюру и так же бодро направился к печке.

Брошюра забилась у него в руках. Из нее вырвались несколько листиков, пометались по горнице и улетели в неприкрытую полностью дверь. Из сеней послышался всплеск, клацанье челюстей и хруст сминаемой бумаги.

Старичок Прохор открыл заслонку и кинул сникшую похудевшую брошюрку в огонь. В трубе завывло. Потом заголосило на тысячи ладов. Потом все стихло.

Старичок Прохор приложил ухо к печке.

– Ну, что слышно? – спросила Василиса.

Прохор молчал, только зажмурил глаза и шевелил губами.

– Не тяни душу! Говори, что слышишь, – прикрикнула Марья Моревна.

Батя поставил стакан на стол:

– Ну, говори!

Старичок Прохор оторвал ухо от печки, раскрыл глаза, протер их кулачками, вздохнул:

– Молчит. Нет тяги. Кончилась.

– Ну, вот, – обиженно протянул долговязый Петька, приподнимая голову от стола. – А еще передовые фермеры называетесь. Как же вы так, в отрыве от цивилизации хозяйство ведете?

– А вот так и ведем, – ответила Марья Моревна, наливая в стакан чай и пододвигая его к Бате. – Своим умом, на всем своем.

– По-научному «натуральное хозяйство» называется, – пояснила Василиса. – Мы в институте проходили.

Петька протянул руку к прянику, повертел его в руках.

– Ну, а насчет межи как? Пойдем, что ли. Там силища нужна.

Старичок Прохор снова занял позицию на лавке, почесал бороду:

– Тут с кандачка не решишь. Тут совет надобен. Обстоятельства должны сложиться. Ну и примета какая никакая явиться. Подождем.

– А пока чайку свеженького. С пряничками да вареньицем, – обрадовалась Марья Моревна, забирая у Петьки чашку и подставляя ее под краник самовара. – Авось, долго ждать не придется.

– Да уж, – произнес Батя и с тоской посмотрел в окно.

– То-то и оно, – добавил старичок Прохор, устремив взгляд туда же.

Стекло в окне просветлело и стали видны тучи, невозмутимо нависающие над хутором и торчащей из-за сосен диспетчерской башней космодрома.

Марья Моревна и Василиса молчали, покачивая головами. Ждали.

На окно с той стороны взлетел петух, поерзал коготками по гладкому отливу, не удержался и свалился вниз.

– Не будет сегодня точного времени, – вздохнул Прохор, – минут на десять опоздает, пока оправится.

– Надо! – вдруг сказал Батя, хлопнул ладонью по столу, и поднялся. – Надо!

– Вот и я говорю, без вас – никак, – залепетал Петька, вскочив и наскоро запихивая пряничный утиный нос за щеку.

– Ну и сходите, сходите, до обеда не обернетесь, так я к ужину вас ждать буду, – сказала Марья Моревна, и толкнула дочку в бок:

– И ты пойди, мужская сила без женского ума, что колесо без оси – заваливается!

– И Данила-мастер, наверное, там уже. Я его вчера вечером уговорил, – сообщил Петька, засовывая длинные руки в рукава пестрой, как клумба перед зданием космовокзала, куртки.

– Вот, какую куртку выдали, – похвастался Петька, – карманов много, и грязь не пристаёт. Для такой работы – в самый раз.

На крыльце долго ждали старика Прохора. Он что-то копошился в сених, потом появился в пыльных сапогах гармошкой, старом тулупе и оранжевой каске.

– Там, у межи – пригорочек есть сухонький. Так в тулупе в самый раз будет полежать. А это, – он показал длинным сухим пальцем на каску, – техника безопасности. Вдруг что-то не так пойдет, а касочка – на месте.

– Ну, все собрались, – сказала Василиса. Потом подумала:

– Может, взять чего-нибудь, лопатку какую-нибудь?

В каске открылось окошечко, из нее высунулся многочленный рычаг со свистком. Свисток свистнул.

По свистку со двора прибежала стайка огородников, и выстроилась в шеренгу. Лопату тащил последний из них, придерживая ее над собой четырьмя лапками и с трудом удерживая равновесие на оставшихся двух.

– Вот, – поднял палец старичок Прохор, – прогресс. Сама командует!

Ремешки каски, еще не застегнутые, взвились по сторонам головы Прохора, и со щелчком сомкнулись под подбородком.

– Больно, – сказал Прохор, пытаясь засунуть палец под ремешок. – Не лезет.

– Пойдем, пойдем, Данила-мастер, не ровен час, не дождется, – торопил Петька.

Все посмотрели на Батю.

Батя взял в руку узловатый посох, стоявший у двери, ударил о землю.

– А ведра!

Василиса топнула ножкой. С грохотом из-за угла выскочили ведра и построились за огородниками.

Батя поднял посох, подумал, и снова ударил им о землю.

– Пора!

Посох попал в небольшую лужицу. Лужица брызнула и зашипела, испаряясь.

До межи шли сначала по стежке-дорожке. Стежка-дорожка норвила все затеряться в траве, а то и вообще спрятаться под землю, но Батя приподнимал посох, и снова трава расступалась над утоптанной и кое-где посыпанной мелким гравием тропинкой.

– Понаехали, опомнились, – бормотал Батя, – знать, не дает покоя межа!

Потом перешли мостик, скинув батиным посохом сохнущую на перилах ворону в темную речку под ним. Рядом с вороной висела чья-то рубашка в клеточку. Ивы на берегу зашелестели листьями, заголосили. Под мостом послышалось хлюпанье, и недовольный голос произнес:

– Хорош баловаться. Я ж ее не зря за хвост – и на мост, а чтоб сохла. Чучело сделаю.

Все остановились, повернув головы к воде и прислушиваясь.

– Водяной, что ли? – спросила Василиса, – Так он не здесь живет. Да и зачем ему чучело – сам не шибко красивый?

– И рубашка чья-то, надо в бюро находок, в «Затерянный Мир» отнести. Там разберутся, – сказал Петька, снимая рубашку с перил.

– Да нет, не водяной я, – снова раздался голос, и из-под моста показалась сначала курчавая голова, а потом и блестящий черный торс Джона. В одной руке он держал ворону.

Джон ловко забрался на мост, выдернул из рук Петьки рубашку и стал ее надевать. Рубашка некоторое время сопротивлялась, потом хихикнула и обросла шерстью. Джон пошевелил плечами:

– Так-то теплее, а то навигация в ней барахлит, все норвит на экваториальную моду переключиться. Присылают из дома всякую ерунду, думают, раз глобальное потепление, так везде Сахара! А у вас здесь – апрель еще не закончился! Свежо!

Джон пристроил ворону снова на перила и спросил.

– Куда идете?

– Межу поднимать, – ответил Петька, пряча пустые ладони за спину и выпячивая грудь.

– А я думаю, что за топот такой, поговорить не дают.

– А с кем это ты там болтаешь? Снова с русалками?! – поинтересовалась Василиса.

Джон покосился на Петьку и сделал вид, что не услышал вопроса. И заговорил о другом:

– Межу поднимать! Вот так-так! Ту, что упала и совсем в землю вросла?

– А разве у нас другая есть? – спросил Петька и захолопал себя по карманам:

– Где-то у меня точное описание было, с количеством.

– Ну и я с вами, – сказал Джон. – Не возражаете, Трофим Трофимыч, против интернационала? То есть помощи по-соседски?

Батя ничего не ответил, и снова зашагал вперед, постукивая посохом по доскам моста. На досках оставались обугленные пятна.

– Вы, Трофим Трофимыч, набалдашничек поверните. Он у вас на максимуме стоит, – посоветовал Джон, – а то вон и кончик уже раскалился.

– Потерпит, – ответил Батя, – остынет еще. Чай, не на прогулку взяли.

– Точно, точно, так и есть, – встрял в разговор старичок Прохор. – Межа – она в канаве лежит. Может, еще и вода там осталась – с дождя.

– А что, с русалками жарко так, что ты без рубашки под мост полез? – шепотом спросила Василиса Джона. – Они же хладнокровные, как лягушки.

– Да нет, так же шепотом ответил Джон, – не в русалках дело. Там под мостом теплоцентральный проход. Жарко от труб, понимаешь?

– Как не понять! – хитро улыбнулась Василиса. – Конечно, теплоцентральный. Как же!

– О чем это вы? Какая теплоцентраль. Я думал, русалки! – спросил старичок Прохор, хватая Джона за мохнатый рукав

Джон снова покосился на долговязого Петьку:

– Труба там, говорю, с горячей водой подтекает. Серая Шейка жалобу написала – экологическая катастрофа, мол, рыба ей вареная не по вкусу! Вот я и смотрел, что да как.

– Катастрофа? Рыба? Написала? Когда? – заволновался Петька.

– Не бери в голову, – успокоил его Джон, – уже все в прошлом.

– А! В ПРОШлом⁶, – успокоился Петька. – Ну и хорошо. Там мой напарник теперь работает. У него не пропадет.

За разговорами до места дошли быстро. Даже чуть не проскочили, да Данила-мастер вовремя окликнул. Он пораньше пришел, огляделся и в малинник забрался. Позвал Батю басом – чистый медведь. Василиса от страха и неожиданности даже к Джону на грудь чуть не бросилась. Но, чего не было – того не было.

Данила восседал на пне и счищал веточкой грязь с сапога. Батя неодобрительно посмотрел, как он это делает, и пожурил:

– Лучше бы не на землю, а на берестянку какую-нибудь счищал. Грязь в этих местах не простая, чай, будет.

– Да я, – виновато ответил Данила, – хотел от березы лубок отодрать, а она так жалобно занает, мол, «кто меня кудряву заломати». Так тоскливо стало, что и грязь не нужна. Пускай, думаю, пропадает.

– А что это за грязь? – спросил Петр. – Есть спецификация?

Его не услышали. Данила встал, уступая место Бате. Батя сел.

Помолчали.

– Ну, так как, будем тянуть? – снова спросил Петька.

– За что тянуть? – деловито откликнулся Джон, закатывая рукава мохнатой рубашки.

– А вот у меня веревка есть, – сказал Данила-мастер, вытаскивая из-за спины бухту веревки и бросая ее к ногам Петра.

Петька почесал за ухом, посмотрел на остальных. Все тоже смотрели на него с интересом, а в глазах Василисы сияло ожидание чуда.

– Так, а эти зачем тут, – спросил Петька, кивая на огородников.

– Тянуть, – ответил старичок Прохор. – А вот цеплять они не обучены. Это наше – чело-вечье.

Петр пожал плечами, и полез в канаву. Засунул руки по плечи в грязную муть, в тину и осоку, долго возил ими по дну.

– Все, подцепил, – сказал он, – потянем, что ли?

Из каски на голове Прохора выскочил свисток и свистнул. Огородники сгрудились по сторонам канавы, схватились за концы веревки, и начали тянуть. Свисток насвистывал веселенькую песенку.

Во время особенно залихватской трели веревка не выдержала. Огородники кубарем покатались в малинник.

Батя привстал, посмотрел на грязь в канаве:

– Тяжела.

– Ох, как тяжела, не поднять с первого разу то! – закричал старичок Прохор и стукнул себя по каске:

– Свистни, что ли! Созывай народ-то!

Батя, окончательно встав и поправив ремень на поясе, махнул ему рукой:

– Не надо, пусть отдыхают. Слабоваты они для такого.

---

⁶ ПРОШ – Периодический Реестр Ошибок Прошлого

Потом еще раз глянул в канаву:

– А не мало ее набралось.

– Не мало, не мало, Трофим Трофимыч, – поддакнул старичок Прохор. – Жидковата только.

Ну, – вздохнул Батя, оглядывая посох и счищая с его острия кончиком сапога налипшие травинки и листики, – против жидковатости у нас средство имеется.

Он подошел к краю канавы и опустил посох в нее.

Из канавы повалил пар.

Данила-мастер встал рядом с Батей:

– Брось ты этот кипятильник. Жарко, душно. А так – хоть грязновато, да по холодку сподручнее.

– Погодь, сейчас в самый раз будет, как сметана.

– Конституция, конституция важна, – заметил старичок Прохор, суется вокруг брошенного на пригорочек тулупа, – конституция – первое дело!

– Да не конституция, а консистенция, старая твоя голова! – поправила его Василиса.

– Что это он про конституцию заговорил, – беспокожно прошептал длинный Петр на ухо Джону.

– Не бери в голову, – успокоил его Джон, – лучше штаны закатай. Сейчас будет готово.

Батя с видимым трудом вытянул посох из канавы. Куски грязи с приятным чмоканьем шлепнулись обратно. Батя поднес кончик посоха к носу, понюхал. Потом дал понюхать Даниле-мастеру. Тот согласно кивнул головой. Батя величаво огляделся.

– Ну, пора. Давайте, ХЛОП⁷цы!

Ведра гурьбой вылезли из малиновых зарослей, сгрудились, позвякивая друг о друга, на краю, теснились, пока последнее с разбегу не столкнуло всех и само, не удержавшись, кувыркком полетело вниз.

Жестяной визг прекратился, и через пару минут ХЛОПцы по одному начали выбираться. Джон подхватывал их за дуги, помогал. Василиса обтирала оцинкованные бока тряпочкой, а старичок Прохор подсчитывал, начиная заново с каждым новым, поставленным Джоном на тропинку.

– А ты что сидишь, где твои-то? – спросила Василиса Данилу-мастера. – Смотри, до дождя забрать надо. А то развезет, а с жидкой – проку меньше.

Данила хитро улыбнулся, прищурился и тихонько, как птичка, присвистнул.

Старичок Прохор стукнул себя по каске и сказал, обратив насколько возможно глаза к выскочившему многочисленному рычагу со свистком:

– Вот, слушай, как надо. А то оглохнуть можно от твоего командования.

На птичий посвист Данилы-мастера из кустов выкатилась малахитовая ванна. Из нее с каменным стуком высыпалась дюжина малахитовых же половников, и давай мелькать в воздухе – в канаву, да в ванну, в канаву, да в ванну. А Данила только стоял да посвистывал.

– Они у тебя что, без команды не работают? Все время свистеть надо, – задал технический вопрос Джон.

– Из-уить-ба-уить-ло-уить-ва-уить-ны, – ответил Данила, перемежая каждый слог свистом.

Потом, когда последний половник опорожнился в ванну и катался по траве, начищая зеленые бока до прежнего сияния, добавил:

– Так-то они на ферме все время, в молоке да в сметане. С котом, правда, не ладят.

---

⁷ ХЛОП – Ходячий Леденящий Обособленный Переносчик

– КОТ⁸ов, ясное дело, они не любят. Тонкая электроника, да и без волшебства, наверное, не обошлось? – Джон заговорщицки прищурился и понизил голос.

– Не без этого, – ответил Данила-мастер и осторожно оглянулся на Петра. – Только я про нормального кота говорил. Рыжего, с усами, который мышей ловит.

– А, этого, – разочаровано произнес Джон, – если про такого, тогда – к Василисе. Она к рыжим не равнодушна. Потому и за Ивана пошла.

Тут Батя вздохнул. Снял с себя ремень, легкий кафтан, сложил все на пне, придавил сверху посохом. Подошел к канаве и стал осторожно спускаться в нее.

– Вот я же и говорил! Без вас невозможно, Трофим Трофимович, – радостно закричал длинный Петька.

Данила-мастер полез следом за Батей. Затем – согласно чину и возрасту, старичок Прохор, Джон и, наконец, пустили и Петра.

– Ну, подыдем, что ли? – сказал, наклоняясь и запуская руки по локоть в оставшуюся грязь, Батя.

– Потянем, – подтвердил Данила, становясь напротив Бати, и точно также нагибаясь.

– Вставай, проклятьем заклеянный, – просипел старичок Прохор, взяв руками там, где, по его мнению, была вершина межи.

Джон молчал и только сопел, когда брызги попадали ему на лоснящуюся черную физиономию.

– Что за проклятье? – отплевываясь, спросил Петька, – из УК⁹

Он, забираясь в канаву, поскользнулся, и упал плашмя. Теперь стоял и раздумывал, с какой стороны присоединиться к остальным.

– Не знаем мы, откуда, – ответил Прохор, – знаем одно, проклятье было. Хор-р-рошее пр-р-роклятье. Др-р-ревнее.

Батя разогнулся первым. Встал, насупил брови. Остальные вместе с ним смотрели вниз, где под ногами, невидимая, сопротивлялась подъему межа.

– Не получается? – спросила с бережка Василиса. – А на раз-два-три пробовали?

Мужики ей не ответили.

– Да, – нарушил молчание Батя, – тяжела.

– А делать-то что, а, Трофим Трофимыч, – слезливо проговорил Петька, – дело-то государственной важности!

– Плохо дело, – внес свою лепту старичок Прохор.

Помолчали.

– Ну, так как? – с дрожью в голосе спросил Петр, – продолжим?

Батя помолчал, пошевелил бровями. Раздвинул губы:

– Думать надо.

Сказав так, он, не торопясь, ухватившись за корни березы, вылез из канавы и сел, сложив ноги крестом. Остальные тоже выбрались вслед за ним, уселись, как мудрецы, в ряд. Начали думать.

Джон вроде заколебался, садиться ли со всеми в ряд, но Данила-мастер дернул его за рукав:

– Садись и ты, интернационал.

Один Петька не находил себе места, то вставал, то садился, все пытался отряхнуть свою новую куртку.

– Вот, обратился он к старичку Прохору, – говорили, что грязь не пристаёт. Еще как пристала! И засохла, как корка. Броня теперь, а не куртка.

---

⁸ КОТ – Контролер Оригинальной Техники

⁹ УК – Универсальный Каталог

– Тсс, – прошептала ему Василиса, – не шуми, не мешай. Думают люди!

Зашумел в верхушках деревьев ветер. Опустился, пробежал по молодой травке, погладил землю по шерстке. На ближний камень выскочила лягушка, сняла на всякий случай корону с головы, прижала ее лапкой к камню. Уставилась, не моргая, на думающих мужиков.

Из канавы послышался гул. Петр осторожно подошел к краю, поглядел вниз, заворожено прошептал:

– Поднимается! Сама поднимается.

– Что стоишь, – проквкала ему лягушка, – поищи, чем подпереть, а то мысли, чай, не резиновые, век держать не хватит.

Петька заметался, побежал к березе, стал ее ломать.

– Ох, не тебя я ждала! Не такого! – запричитала береза.

– А нечего было песни жалостливые петь. Молчала бы, как я, так и дождалась бы добра-молодца, – ответила ей лягушка.

Большой каменный столб поднялся из канавы, качнулся пару раз, и встал. Усиливающийся ветер сдувал с него остатки грязи и клочья тины.

– Не ровно стоит, – заметил старичок Прохор.

– Как Пизанская башня, – подтвердил Джон.

– Как деды поставили, так и стоит, – проворчал Батя, – не нам между править.

Подбежал Петр с березовой подпоркой. Сам слез в канаву, подпер между. Вылез. Достал ФЭД¹⁰, прицелился, щелкнул.

Потом присмотрелся и спросил:

– А что это за указатель. Вон, на самом верху прикручен?

К верхушке межи и в самом деле была приторочена ржавой проволокой заостренная с двух сторон доска с еле различимыми буквами: «СВТ – ТМА».

– Кто ж знает? Давно ставили. Еще и космодрома не было, – ответил старичок Прохор, – вот если только шуку спросить. Или вон, эту ... зеленую. Она, если поцелуешь, чего только не вспомнит. А второй раз поцелуешь, что хочешь – то и забудет. Одним словом – баба!

Прохор указал костлявым пальцем на лягушку. Та уже снова надела корону, показала Прохору язык, и была такова!

– Не успели! – сказал Прохор. – Ну и ладно. Не велика беда!

– Беда не беда, а буквы подкрасить надо бы. У меня и карандаш есть. – Петр подошел к краю канавы и потянулся к меже.

– Эх, далеко, не достать! Ну, еще чуть-чуть!

Он не удержался на краю, взмахнул руками, как аист, и рухнул вниз, задев плечом межу.

Подставленный березовый ствол не выдержал, треснул и переломился пополам. Межа покачнулась, наклонилась еще сильнее, потом еще и еще, и медленно опустилась на прежнее место за краем канавы.

Земля чуть содрогнулась, а ветер стих.

– А ведь четверть часа стояла, – радостно проговорил старичок Прохор. – Может, на рекорд потянет!

– Да, постояла, хватит с нее. Натрудилась, – ответил Батя.

Повернулся к Даниле-мастеру:

– Ну, прощай, что ли!

– Прощай, Трофим Трофимыч! Увидимся еще. Я к тебе за малиной приду. Очень у тебя малина хорошая.

– Лады! – ответил Батя.

---

¹⁰ ФЭД – Фиксатор Эволюционного Движения

Данила-мастер перебежал по бревну канаву и зашагал через лес, подгоняя замысловатым свистом малахитовую ванну.

Батя, старичок Прохор, и Василиса отряхнулись, оправились, и тоже направились по тропинке назад.

Джону и Петьке доверили главное – нацепить на длинный шест ведра и нести их аккуратно, чтобы капли не пролилось, до самого дома. Ведра, чьи запотевшие бока оправдывали букву «Л» в названии, смешно болтали ножками; последнее норовило все достать пяткой до груди Петра, но тот осмотрительно держался за самый край шеста, так что основная тяжесть пришлась на плечи Джона.

– А зачем мы их несем. Они же ходячие, – спросил Петр.

– Потому и нести надо, что шибко ходячие. Чтоб «налево» не сбежали. Грязь – она дорого стоит. Не простая, от самой межи никак! – ответил старичок Прохор.

Петру это все было в диковинку.

– А на что она вам? И Данила вон сколько набрал. Другие в ваннах моются, а он – все наоборот.

– Э-э, – важно протянул Прохор, – грязь, которая под межой набрана, на память благотворно действует. И еще коленки у коровок мазать. А еще... – Прохор ухмыльнулся и не закончил фразы, – ученый вы народ все, а простых вещей не понимаете. А туда же – межу поднимать.

– Так ведь не подняли. Она снова упала, – с сожалением вздохнул Петр, – придется так и в депеше указать, мол, попытка не удалась.

– А ты не пиши, что не удалась. Напиши, что увенчалась временным успехом, – посоветовал Джон. – Пусть там, в Столице, из этих трех слов выберут, какое попригляднее. Им там, виднее.

– И про грязь писать? – спросил Петька.

Все остановились как вкопанные и посмотрели на Петра с осуждением.

– Ты, это, брось, – сказал за всех старичок Прохор. – В столицах все свое, а это – наше, исконное.

– Да я хотел, как лучше. Чтоб инструкцию не нарушать, – промямлил Петр, – вот она – инструкция.

Он хотел вытащить что-то из кармана, но не смог – карман оказался плотно залеплен высохшей целебной грязью.

– Нам по должности строго-настрого положено инструкцию соблюдать!

Батя стукнул посохом по земле. Сухая прошлогодняя трава под ногами Петра, задымилась. Петька затоптался на месте, потом глянул под ноги и подпрыгнул:

– Горю ведь!

– То-то и оно! – проговорил Батя, отворачиваясь.

– То-то же, – повторил старичок Прохор, – не балуй.

Джон обернулся через плечо и без слов подмигнул Петру. Петр вздохнул и засеменял, пытаясь приноровиться к его широким шагам. Лицо его выражало озабоченность.

– Поторопиться бы надо, – сказала Василиса, поглядывая на солнце. – Обед пропустили, как бы и ужин не остыл, матушка велела не опаздывать.

Заулыбались, зашагали быстрее. Даже Петька перестал вздыхать и только все допытывался вполголоса у старичка Прохора, как эту заскорузлую корку от кармана отчистить.

– А то ведь и пряник некуда положить, – объяснял он, – пряники очень вкусны у Марьи Моревны, когда еще отведать придется.

– А ты заходи почаще, – отвечал ему Прохор, – почаще будешь заходить, глядишь, и почище будешь.

Вечером, после ужина, сидели по обычаю на скамейке перед домом. Василиса читала учебник, изредка откладывая его в сторону и, закрыв глаза, шепотом повторяла прочитанное. Иван сидел рядом и ковырял отверткой какой-то приборчик. Сложную электронную схему он отбросил за ненадобностью в сторону. Джон строчил письма на родину. Старичок Прохор бубнил вполголоса что-то про те времена, когда он «сорванцом бегал на русалочье озеро и спуску никому не давал». Марья Моревна и Батя просто сидели, смотрели на яблони, на ветви, усыпанные готовыми взорваться розовым цветом почки, держали друг друга за руки. Один Петька хмурился и мрачнел лицом.

Розовые от цветов ветви яблони зашевелились и в них, как в венке, показалась серая кошачья морда с желтыми глазами.

– Тьфу, – сказала морда, отплеываясь от обломанных и застрявших в шерсти почек.

Потом рот расплылся в улыбке, усы встали торчком, и морда добродушно произнесла:

– Вечеряете, Трофим Трофимыч? Приятно наблюдать. А то все в трудах, трудах, даже и не заходите.

Батя молчал, ответила Марья Моревна:

– Да что к тебе заходить. Ты разве что новое расскажешь. Вон Петька – с ним и то веселей.

Желтые глаза прищурились:

– Наслышаны, наслышаны. Я, – усы дрогнули и чуть опустились, – к вам потому и пришел. Память совсем никудышная стала. Весна, а я все путаю, все перезабыл. Песни, сказки, все перемешалось, одна каша в голове и привкус такой, солоноватый, на языке. А еще на днях как-то задумался, да и обсчитался – «Руслана и Людмилу» по цене «Курочки рябы» туристам уступил.

– Конечно, – весело откликнулась Василиса, – набегался в марте, потому и путаешь. Знаем мы, что у тебя за каша в голове.

– Да нет, не то. В прошлом марте такого не было. В прошлом марте почти не сбивался.

– Седина в бороду, бес в ребро, – Джон поднял голову от клавиатуры, – у вас, котов, год за сколько идет?

– Врут люди! – слезливо проговорил кот; усы повисли, и рядом с мордой появился подрагивающий кончик хвоста.

– Знаем, слышали, – оборвала его Марья Моревна, – так чего пришел-то? За сливками? Так в сенях возьми, приготовлено.

– Как чего, – быстро ответил кот, – мази целебной попросить. Для памяти. А то уволят меня, честное слово, уволят.

Он помолчал и добавил:

– А сливки тоже возьму, раз уж приготовлено.

– Как же! Для памяти ему! – воскликнула Василиса. – А к русалке приставать не будешь. А то мазь-то не только на память действует.

– Врут люди, – убежденно повторил кот, – мне точно для памяти. А русалка – она сама виновата. Прикрылась бы хоть чем. Перед экскурсантами стыдно.

– Ладно, – Марья Моревна повернулась к Бате, – дадим маленько. Для памяти.

Батя слегка нахмурился, но кивнул головой.

– Пойдем, страдалец, – Марья Моревна встала и пошла в дом. Морда исчезла из ветвей, и через мгновение серая тень оказалась уже на крыльце у ног Марьи Моревны.

– Эх! – горестно воскликнул Петр. Он оглянулся, хотел было что-то сказать, но заметив, что все заняты делом, промолчал и обхватил голову руками. Его плечи затряслись; сквозь сдерживаемые рыдания можно было разобрать:

– И я бы мог... Жизнь прожить... Поле перейти...

Батя нахмурился и с неодобрением посмотрел на него.

– Передозировка, – Джон толкнул Ивана в бок, кивнув на Петьку, – слабоват.

– Быстро проходит, – прошептала им Василиса, – я знаю, в институте изучали.

– У меня в сарайчике лекарство припасено, – сообщил старичок Прохор и обернулся к Бате, – принести что ли?

Батя промолчал и лишь глубоко вздохнул.

– Так я принесу, – старичок Прохор поднялся и засеменил в темноту.

Батя вздохнул еще раз, поднялся и степенным шагом направился за ним.

Скоро и Василиса потащила Ивана в дом. Джон посмотрел на часы и со словами «Не всем сразу. Тут на неделю писанины» тоже попрощался.

И Петр, не дождавшись, да и не думая, о лекарстве, побрел к себе, и еще несколько раз из темноты донеслось:

– Жизнь... Поле...

По крыльцу скользнула серая тень и лукавый шепоток произнес:

– Хватит на сегодня. Сколь веревочке не виться, а сказочке – конец.

ЯГОДА-МАЛИНА (БУДУЩЕЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ-2)

На большом столе, на расстеленной газете раскорячился малиновый куст. Батя сидел на своем стуле с высокой спинкой и шевелил косматыми бровями, переводя глаза с комка корней на плети побегов.

– Что-то не то, – задумчиво сказал Батя, перетирая в толстых пальцах тонкие корешки с землей пополам.

– Вот и я говорю, – не тем занимаемся, – горестно произнес с лавки старичок Прохор.

– Как не тем? – пожалала плечами Марья Моревна. – Когда как не сегодня малину готовить. Завтра ведь сажать.

Марья Моревна стояла, уперев руки в бока, перед телевизором и безуспешно пыталась строгим взглядом перелистнуть страничку календаря на экране. Страничка шевелилась, как занавеска от ветерка, взвивалась до половины, и снова опадала. И снова на ней сияла и переливалась цифра семнадцать в окружении малиновых веток, усыпанных спелыми ягодами.

– Хочу на неделю вперед забежать, посмотреть, удержится потепление, или как. Обещали в новостях, что подбросят по весне теплых деньков, так в самый раз бы нам пригодились. Спасибо Ваньке, настроил новый телевизор на фермерский канал, да я еще премудростью им владеть не овладела.

– А ты пультом его, пультом сподручнее, – сказал Прохор. – А то, не ровен час, из столицы еще чего бросят, а мы и не поймаем.

– Да пульт Ванька унес, – ответила Марья Моревна. – На него вчера Василиса как села, так он и перестал работать. Ванька взял, всю ночь ковырялся, чинил. Спит вот теперь. Авось, исправил.

Василиса сидела напротив Бати и что-то разглядывала в газете, водя по ней пальцем, раздвигая спутанные корешки и побеги. Услышала про пульт, встрепелась:

– Вот еще, я и не виновата. Пульт на стуле не я оставила. А смотреть некогда было, в руках поднос был.

– Да, на чем сидим, там глаз нету, – глубокомысленно изрек старичок Прохор и замолчал, вздохнув о чем-то своем, стариковском, давнишнем.

Василиса заинтересовалась чем-то в газете, приподнялась и раздвинула побеги перед собой двумя руками.

– Вот, – громко прочитала она, – Нашла! Программа прилета «Будущего». Встреча на посадочной полосе. Зонтов и шапок советуют не брать – унесет потоком гравитации из турбин. Потом сошествие по трапу.

– А после сошествия? – спросила Марья Моревна. – Что после?

Василиса провела указательным пальчиком по газете, буквы как бисер побежали за ним и высыпались на скатерть.

– Вот, – сказала Василиса, – теперь видно, а то раньше ветки мешали.

Она похлопала по буквам ладошкой, усмиряя самых бойких из них, и прочитала:

– Потом застолье на берегу озера. И лекция!

– Да-да, народ к празднику готовится, – снова подал голос Прохор. – Праздник завтра. Я вчерась вечером у околицы Данилу-мастера повстречал. Тоже готовится. Звездолет, как-никак, из будущего прилетает. Надо бы чин чином встретить. С хлебом, с солью, с транспарантиком каким-никаким. Как в прошлые времена.

– С чем, с чем? – спросила Василиса. – Что это за слово такое... транспа... Transparent, что ли?

– Да нет, – досадливо поморщился старичок Прохор, – не транспарент, а транспарант. Вроде паруса такого, на двух палках. Со словами всякими.

Он помолчал, потом добавил:

– А Данила–мастер мне признался, что кубок памятный только-только сотворил. В ХЛАМ¹¹ на утверждение отнес.

– Утвердили? – с сомнением спросила Марья Моревна, – последнюю чашу-то его малахитовую назад отправили. Маловата сказали.

– Утвердят, – уверенно ответил Прохор. – Времени сомневаться нету.

– Когда, стало быть, праздник? – очнулся от раздумий о малине Батя.

– Завтра, – ответила Василиса.

– А если точно, завтра, осьмнадцатого числа пополудни, – добавил старичок Прохор.

– Я ужин готовить не стану, на празднике поедим, – задумчиво произнесла Марья Моревна. – Хотя...

– То-то и оно, что хотя, – передразнил ее старичок Прохор. Какая там еда! Пластмасса одна, полимеры-еры. Неурожай в прошлом году был! Забыли?

– Конечно, – закивала головой Марья Моревна, – затопило все. Помним, как ЧКК¹² тучки от столицы отводили, а на нас случайно и вылили. До океана не дотолкали.

– Вот, – поднял палец старичок Прохор, – все и погнило. На корню.

– А потом сгорело, – добавила Марья Моревна, – когда опомнились и сушить начали. Как вспомню этих СУПОСТАТов¹³ над головой, до сих пор в жар бросает.

Батя снова зашевелил бровями, вперив хмурый взгляд в малиновый куст на столе:

– Если у куста корешки гнилые, то лечить его, конечно можно. Но урожая ждать – что воду в решете носить.

– А у меня решето такое есть, в котором это вполне себе возможно, – заявил старичок Прохор, подбочениваясь на лавке. – Там такая кнопочка есть, включается гравитационная заслонка – и носи себе на здоровье, хот воду, хоть что. На ярмарке в прошлом году купил – на рождество.

– Не на ярмарке, а на блошином рынке, – насмешливо поправила его Марья Моревна, – где еще такое старье найдешь!

– Тут где-то об этом написано, – радостно воскликнула Василиса, запуская пальцы в корешки.

Из корешков снова бросились врассыпную букочки.

– Заигрались, – досадливо проворчала Марья Моревна. – Это от того они у тебя бегают, что мысли у тебя скачут. Дай я прочитаю.

Она отодвинула руки Василисы от газеты, сама наклонилась.

– А ведь так и есть! Вот и тут пишут, – вылечить можно, но урожая ждать не раньше, чем через несколько годов. Несколько – это сколько?

– А про воду, про воду в решете – что пишут? – подавшись вперед и чуть не упав с лавки, спросил старичок Прохор.

Марья Моревна еще раз поводила пальцем по бегающим буквам, как будто гречку перебирала, прочитала, специально для Прохора громким голосом:

– Уходя гасите свет и закрывайте кран, чтоб не светилося, не лилося, парам-там-там!

– ПАРАМ¹⁴ где там? – удивленно поднял густые брови Батя. – Мы ее, кажись, на совесть припрятали. Неужели нашли?

– Это не та ПАРАМ. Это не наша. Это песня такая – бестолковая, – авторитетно заявил старичок Прохор.

---

¹¹ ХЛАМ – Художественная Лаборатория Артистов и Мастеров

¹² ЧКК – Частотно-Климатическая Комиссия

¹³ СУПОСТАТ – Спутник Управления Плановой Оптимизацией Средней Температуры Атмосферный

¹⁴ ПАРАМ – Первая Атомная Ракета Астрономической МОЩИ

– Хорошо! – веско сказал Батя, протягивая пустой стакан Марье Моревне.

– Что хорошо? – спросила Марья Моревна, наливая ему чай.

– Что бестолковая. Песня и должна быть бестолковая. Особливо, праздничная, – ответил Батя.

Сверху раздались шаги, и на лестнице появился заспанный Иван.

– Что, – спросил Иван, позевывая, – песню к празднику учите? Хорошее дело. Мне вот тоже музыка начала снится. Свирелька какая-то. До сих пор в ухе свист.

Иван потряс головой:

– И не проходит, свистит и свистит.

Василиса встала со стула, взяла в руки чистую чашку:

– Чай будешь?

Иван сел за стол, глянул на Батю и тоже распрямил плечи:

– А то! Утро без чая – песня в горле скучает.

Старичок Прохор вдруг затих, вытянулся в струнку, закачался из стороны в сторону. Все с тревогой посмотрели на него, а Василиса даже подошла и попыталась заглянуть ему в полуприкрытые глаза.

– Сейчас, сейчас вспомню, – прошептали губы Прохора.

– Правильно, – сказал Иван. – Для прибывающих из будущего надо что-нибудь старинное петь. Из того времени, из которого они улетели.

Откусил от пряника, запил чаем, небрежно задвинул рукой горсть букв обратно под малиновые корешки, и продолжил:

– Не узнали, кого мы вообще встречать собираемся? Предков, или потомков?

Марья Моревна пожала плечами:

– Кого, кого? Не написано. Петька говорил, что потомков. А подумать – так и предков.

– И-и-и-и... – вдруг пискнул старичок Прохор и, продолжая раскачиваться, затянул:

– ... ленин всегда молодой, и юный октябрь впереди! И-и-и-и...

– Заело, – сказал Иван, – надо чем-то ... – он огляделся в поисках чего-нибудь подходящего.

– Не надо, – сказала Василиса и ласково погладила старичка Прохора по седым волосам.

Старичок Прохор, как будто этого только и ждал, мгновенно перестал раскачиваться:

– Ну, что, понравилась песня?

– Хороша! – сказал Батя, – Корову можно научить. А лучше – овцу. Только чего тебя так далеко швырнуло?

– А пес ее знает, память эту. Швыряет, не спрашивает, – пожал плечами старичок Прохор. – Хорошо хоть, что назад возвращает. А то ведь, Соловей-разбойник, тоже делом занимался, а как начал сказки для внучат вспоминать, так из лесу теперь и носа не кажет.

– Прекрасная песня, – согласилась Василиса, – про нас, молодых!

– И задорная, – прибавил Иван, – ясное дело, для нас, молодых.

– А вам лишь бы погромче, да позадорнее, – сказала Марья Моревна, – потом голова три дня болеть будет!

– Да уж..., – начал говорить Батя, но замолчал и задумался.

Потом покачал головой и вздохнул:

– Плохо!

– Что плохо? – заглядывая в его стакан, спросила Марья Моревна.

– И так, и так – все одно. Плохо!

– Чем плохо? – снова спросила Марья Моревна.

– Шуметь на озере плохо! – ответил Батя. – Не ровен час, буря подымется.

– А озеро – отворотное, – добавил Иван. – Как хлестанет волной по берегу, многим от ворот поворот настанет.

Все задумались.

Иван оторвал от малинового куста веточку, стал гонять буквы по столу. Потом поморщился и снова хлопнул себя по уху:

– Вот ведь навязчивая свиристелька. Приснилась, так и оставалась бы во сне. Так нет – все свистит и свистит. А теперь уже и гудит!

Он дунул на буквы и заявил:

– Странно все это. Зачем на озере-то песни петь? Места, что ли мало. Страна – огромная!

– Так ведь русалки и прочая, тьфу, сказочная братия, должны тоже вкусить от праздника, – начал объяснять старичок Прохор. – Да и лекция им не повредит. А то распоясались. На днях, вот, баркас перевернули. Хорошо, что рыбаки браконьерами оказались. А если бы инспекторы – шуму было бы. Огородили бы озеро-то.

– На озеро лучше не ходить, – сказала Василиса. – Зябко там, и русалки своими песнями грусть наводят. Конкуренцию могут составить.

– На кого грусть, а на кого и веселье, – заметила Марья Моревна, высматривая что-то за окном:

– Вот и Джон, интернационалушка наш бежит. Подпоет, если попросим. А ведь шибко бежит, кепочку придерживает!

– Ну, Джон вам грустить не даст, – сказал Иван, поднимаясь. – Пойду я к доктору, пусть ухо посмотрит. Может, комар залетел.

– Пульт оставь, – прикрикнула на него Марья Моревна, – и иди. А то, как забрал с вечера, так и нет мне покоя.

– Я думал, он у вас тут где-то, – ответил Иван, – я его специально с Василисиной стороны на тумбочку положил. Думал, она рано встанет, пульт и понадобится.

Потом снова потряс головой и посмотрел на остальных:

– Только у меня гудит, или у кого еще?

Все стали прислушиваться.

– Вроде... – сказала Василиса, но тут с треском распахнулась дверь, и в горницу ввалился распаренный Джон.

На Джоне лица не было от волнения. Он оглядел беспокойными глазами горницу, всех вместе и каждого по отдельности. Потом, несколько раз глубоко вздохнул, и спросил:

– А Иван где?

– Здесь я, – ответил Иван от двери.

Джон обернулся и вытаращил глаза:

– А что ты не в форме?

– А у меня сегодня выходной. Нечетное же число!

– Какое нечетное! – завопил Джон. – На календарь посмотри! Тебе же сегодня в диспетчерской корабли на посадку заводить!

– Сам посмотри, – ответила за Ивана Василиса, не позволяющая никому, кроме себя, строго разговаривать с Иваном.

Джон огляделся в поисках календаря, уставился на трепещущий листок в телевизоре, уже покрытый благодаря стараниям Марьи Моревны малиновыми разводами.

– Ну, – довольно сказал Иван, – видишь – семнадцатое, нечетное!

– Да? – удивленно произнес Джон, – а народ иначе думает, собрался на посадочной площадке, ждет.

– Чего ждет? – недовольно спросил Батя.

– Так «Будущее» вроде как прилетает, – неуверенно ответил Джон.

– Этот твой народ торопится, – начал пространную речь старичок Прохор, – очередь занял, чтобы, значит, и к сошествию первым успеть, и, стало быть, к столу потом. Ну и на лекцию на первый ряд, значит, сесть.

- Народ, может, и торопится, – неуверенно сказал Джон. Потом подумал и просиял:
- А вы календарь когда последний раз проверяли?
- А чего его проверять, – спросила Марья Моревна. – Как телевизор повесили, так он и показывает. Правда, Иван?
- Да, – кивнул Иван, – как включили, так и показывает. Уже лет четыреста автоматическая синхронизация никого не подводит.
- Старичок Прохор вдруг хлопнул в ладоши и сообщил:
- А когда Василиса на пульт села, телевизор-то подмигнул. Я еще тогда заметил, что вроде как рябь пошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.